

Дэн Лавров

Эффект бабушки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68970615

SelfPub; 2023

Аннотация

О пользе любопытства при нажатии незнакомых кнопочек (или наоборот). Как перевоспитать бабушку, любительницу вычерпывать мозг чайной ложечкой по гендерному признаку. Дополнительные опции автомобиля «Волга 21» и самолета «Су -27» для чайников. Как научиться любить себя и женщин. Аудитория: книгоголики, любители фантастики (возможно, особенно фанаты фильма «Назад в будущее»), «вечные студенты» любого пола и возраста, актуальные и ностальгирующие по ушедшей юности. Чтение для отдыха без особых претензий, но с элементами размышлений на тему...

Содержание

Дэн.	6
1.	6
2.	10
3.	14
4.	17
5.	23
6.	26
7.	31
8.	35
9.	39
10.	42
11.	47
12.	52
13.	57
14.	61
15.	65
16.	68
17.	72
18.	74
19.	80
20.	87
21.	89
22.	93

Лиза.	96
23.	96
Дэн.	100
24.	100
Лиза.	102
25.	102
Дэн.	106
26.	106
27.	111
Лиза.	115
28.	115
Дэн.	119
29.	119
Лиза.	121
30.	121
Дэн.	126
31.	126
Лиза.	130
32.	130
Дэн.	131
33.	131
34.	132

Дэн Лавров

Эффект бабушки

Да простят меня «Смешарики», если сочтут название плагиатом. Само приползло. Ну, или прилетело. Но лучше не скажешь...

Дэн.

1.

– Как меня достала ваша дача! – возмутился я, привычно и бесполезно.

– Помнишь правило американских женщин – полицейских? – спокойно отозвалась мать, – Если не удастся избежать изнасилования, постарайтесь расслабиться и получить максимальное удовольствие. Возьми с собой кого-нибудь из друзей. И нам лишние руки в помощь, и тебе не так скучно.

Я заткнулся и задумался. Меня бесило это правило американских женщин-полицейских, тем более, что я не женщина, и не полицейский, но сама идея была хорошей. У Макса была своя машина, и он ее водил, так что, если уговорить его, то можно даже избежать совместной поездки с бабушкой на заднем сиденье. К тому же, можно было провести оставшееся от весенне-полевых (осенне-полевых, военно-полевых, трудовой повинности, нужно подчеркнуть) работ время с пользой. Рядом с дачей есть заброшка – бывшая военная часть, и я ее не дообследовал.

Заброшкой я Макса и соблазнил. Он любознательный. Правда, бабушка все равно успела вынести мозг, обвинив

меня:

а) в пропуске занятий в универе

б) в отсутствии девушки.

Девушки, действительно, не было, как и пропусков (их не было!!!), и поэтому на это я особенно обиделся. Но мне-то что, я – в машину к Максy, а папе с мамой с ней до самой дачи ехать. Просто бабушка в универе работает, и считает, что все про меня знает. Впрочем, она считает, что она про все лучше всех знает, ориентируясь, в основном, на передачи Малахова по телевизору. Ненавижу! (передачи Малахова, но на вкус и цвет...)

В общем, не надо о грустном, мы с Максом решили начать с заброшки. А кто нас остановит? Потом покосим, попилим деревья, покопаем, еще какую-нибудь глупость сделаем.

Позвонил матери, поставил перед фактом. При Максе она качать права не стала. Вообще-то с матерью можно договориться. С ней иногда даже общаться можно, музыку, например, обсудить, посмеяться над чем-нибудь. Если попросишь чего-нибудь – сделает. Свой парень короче. Только зануда. Она в детстве отличницей была. С отцом и проще и сложнее.

Короче. Приехали мы на заброшку, еще светло было. Там прикольно. Развалины, подвалы. Надписи всякие. Блиндажи, гильзы стреляные. Коммуникации непонятные. Кое-что совсем старое. Так, в одном из подвалов я ногой провалился в какую-то конкретную дырку. Попытался выдернуть ногу – полетел вниз вместе со всем полом. Отплевавшись от

кирпичей, штукатурки и всех подходящих случаю выражений, позвал Макса. Тот, оказывается, так и остался стоять в дверном проеме, не успел зайти в помещение, в котором пол обрушился. И отозвался не сразу, обалдел, потому что. За меня испугался.

Я тоже испугался. Ощупался. Вроде ничего серьезного себе не повредил. Даже ноги себе не переломал. Странно. Ладно, исследуем дальше. О! А тут что-то глобальное! Я включил фонарик на телефоне. Во-первых, огромное подземное помещение. Гораздо больше, чем то, из которого я провалился. А во-вторых... Интересно, а вылезти я смогу?

– Ма-акс!

Пока Макс ходил к машине за буксировочным шнуром, я, набрел на что-то грандиозное, под почти целым чехлом. Подсветив фонариком из телефона, приподнял край... Фигассе! Самолет! И кажется даже в смазке...

Откуда здесь самолет? Но это вопрос без ответа. Люди давно покинули это место.

Макс, помимо троса, притаранил мощный фонарик – прожектор (который от аккумулятора). Осветил частично освобожденный мной от чехла самолет и тоже офонарел. Пока он спускался, я влез на крыло и добрался до кабины. Да это же СУ 27! Одноместный! Я, кажется, на что-то нажал, и кабина открылась вверх. СУшки же даже еще с вооружения не сняты! Но тогда чего он здесь делает почти совсем новый? А вдруг он на ходу? А, может, ну его нафиг? Кто-то же его

здесь оставил, и может в любой момент забрать?

Да ладно! Заброшка, кто его тут заберет, его тут похоронили! Вернее, законсервировали. И потеряли

Уняв сердцебиение, я полез на место пилота. Где там Макс? Ух ты, сколько кнопочек!

Я стал нажимать все подряд. Как только коснулся рукой «высоты», вся приборная доска осветилась. Епть! Работает!

– Ма-акс! – в восторге завопил я, продолжая что-то нажимать, не глядя. Ответа я не дождался, потому что фонарь кабины неожиданно напал на меня сверху, впереди вспыхнуло много яркого света, который свернулся в одну точку, и я потерял сознание.

2.

Очухался в полной темноте. Что это было?

Я, по-прежнему, находился в кабине самолета. Приборная панель светилась какими-то цифрами. Кабина была открыта. Я посидел немного, приходя в себя, потом как-то умудрился перевалиться через борт и сползти, а не плюхнуться, как мешок с д.... Голова подкруживалась. Вокруг была крошечная темень (приборная панель не в счет). И как-то не по себе. Поэтому я не заорал, а почти прошептал: – Ма-акс! – Бесплезно – никого нет дома.

Телефон с фонариком был где-то в кармане. Я кое-как поднялся на ноги и побрел, освещая себе путь. Что-то явно было не так. Я осветил вверх. Потолок! Не обваленный! Ничего не понимаю! Я добрался до стены и побрел вдоль нее в поисках выхода. На дверь я набрел. Точнее, на лестницу, которая упиралась в люк. При первой попытке, показалось, что он заперт. Но выйти очень хотелось, а другого ничего похожего не нашлось. Со второй попытки я понял, что заперто не наглухо – крышка шевелится. Силушкой меня бог не обидел, так что после некоторых усилий, снаружи с нее что-то упало, а потом выход открылся совсем, и я почувствовал, как в люк хлынул свежий воздух. Чего нельзя было сказать о свете. Ночь уже! Ничего себе! Но, может, оно и к лучшему.

Во-первых, потому что после темноты он меня не осле-

пил, а, во-вторых, мне показалось, что щёлкнул затвор и кто-то крикнул: «Стой, кто идет!». И я со страху, едва успев подняться на ноги, тут же рухнул рядом с каким-то невнятным хламом, и тут же, подчинившись рельефу, скатился в канавку под забором и замер. Никто близко не подошел. Показалось?

Но жить-то хочется! Лучше перебдеть, чем недобдеть. Я попробовал оглядеться. Вроде бы на заброшку залазил... Здания вроде те же. Только целые... без дырок даже. Стреления, вышки, радары. Работают. Крутятся! Часовые живые! То есть... вернулась военная часть?! И где Макс?

Я тихонечко пополз по дну своей канавки вдоль забора. Чего-то мне сильно захотелось домой, к маме... Или даже на дачу, только куда-нибудь отсюда...

Как по заказу, вскоре нашлась дорожка-ямка, довольно утоптанная, уводящая вниз, под забор и за пределы. Я с огромным облегчением покинул бывшую заброшку – актуальную военную часть. Чудеса, однако! Ничего себе за хлебушком ходил!

Оказавшись с другой стороны забора, вдохнулось свободнее. Места вроде знакомые – сколько лет на даче-то оттрубил! Не заблужусь.

Места знакомые, но какие-то не такие. А почему – не могу объяснить. Более пусто, что ли. В это время года? В разгар дачного сезона? И неба как-то больше. Деревья какие-то маленькие.

Ну, дачу я нашел. Можно сказать, на ощупь. Она стояла вся темная, без света. На обоих воротах – замки. На мой ор и стук ботинками в ворота никто не отозвался. Кроме собак. Сначала облаяли, потом облизали. Собак я не боюсь, они меня любят. Эти, похоже, ничьи. И я их не знаю. Странно. Да моя ли это дача? Очертания дома смутные. Вроде моя, а вроде и нет. Другая. Веранды нет, навес только. Тихо и глухо. Темно. Что я здесь делаю вообще? Где я головой так ударился, что ничего не понимаю? Я сполз спиной по воротам на землю, закрыл лицо руками. Посидел. Что делать-то? Через ворота лезть? А смысл?

Домой хочу!

До шоссе идти было не так уж и далеко. Правда, денег у меня мало, но может какая попутка подберет грузовая? Тут автобус стоит рублей сорок. У меня с собой полтинник.

Шоссе порадовало темнотой и пустотой. Телефон показывал час ночи. Нуда, нуда. Ладно, пойду пешком, в какую сторону знаю, а там, может попутка подвернется какая-нибудь.

Не подвернулась. До самого города. Ну, в смысле, редкие обгоняли, но не тормозили. Фигура что ли у меня внушительная? Ну да, я в качалке занимаюсь, но без фанатизма, не перекачанный. Перейдя мост и очутившись на главной улице, я додумался до вызова такси. Да ладно, главное добраться домой, а там родители доплатят. Но такси почему-то не вызывалось. Ни одно. Просто никто трубу даже не брал. Родители тоже трубу не брали. И от них ни одного пропущенного.

Сил удивляться уже не было. Ног не чувствовал, когда добрался до родного университета. Если от моста все время прямо – то в него упираешься. «Дополз» до лавочки под елками у центрального корпуса. И больше не смог. Ну и что, что как бомжик. Лег и вырубился.

3.

Проснулся я от звука маминого голоса. Не открывая глаз, потянулся и сообщил:

– Ма! Мне такой странный сон снился!

– Какая я тебе ма? – возмутился мамин голос. – Лавров, ты чего, перепил вчера?

Я открыл глаза и обнаружил, что спал я не дома, а на лавочке перед институтом. Надо мной стоит какая-то девчонка. Ну, вылитая моя мама, только на 20 лет моложе. Ну, как на ее студенческих фотографиях.

– Фу, как ты на Лаврова похож! Извини, пожалуйста, обозналась.

– И ты извини, я тоже обознался. Ты на мать мою очень похожа. Но только я Лавров. Дэн. Денис, то есть.

– А. А я думала, ты одноклассник мой, Сашка Лавров. А я думаю, чего это он на лавочке спит. Ну, пока, мне на лекцию пора.

Девчонка повернулась, закинула сумку за плечо, и пошла вверх по ступенькам ко входу в универ.

Кажется, я ей какой-то сомнительный комплимент отпустил.

Папку моего тоже Александром зовут. Какой-то полный тезка. А я и не знал, что в универе такой учится.

– Постой! А тебя как зовут? – я кинулся ее догонять. Она

повернулась, скептически посмотрела на меня. Потом вроде как помягчела, и снисходительно ответила:

– Татьяна, – и моментально растворилась в толпе студентов, штурмующих главный вход в преддверии начала занятий.

Гм. Опять сходится. Мою маму зовут Таня. Я потер лоб и огляделся. Что-то было не так. Я просканировал территорию. Вроде мой универ. А где супер-пупер современные часы, которые ректор недавно установил на клумбе перед лестницей?

Голубые ели были явно моложе и ниже. Ладно, это все лирика. Сегодня понедельник? Значит, и мне на занятия пора? Да еще успеть к расписанию, потому что я не помню, что у нас первой парой. Лучше, конечно, домой, но раз я уже здесь...

Подивившись отсутствию турникетов и охранников, я легко прошел в универ, даже не доставая студенку, нашел расписание у деканата, хоть оно и висело не совсем на своем месте, но в остальном выглядело как расписание.

По дороге к аудитории я не встретил ни одной знакомой рожи... Ни Макса, ни Жорика, ни Санька. Ни даже нашего самого иностранного иностранца армянина Гришу из Чалтыря. Зато в самой аудитории я опять встретил девочку похожую на мою маму, девочку похожую на мою крестную маму Люсю, парня, выглядевшего точно, как мой крестный отец, одного негра, одного... не знаю. На китайца похож. Кучу кав-

казских ребят и девчонок без хиджабов (вполне себе модных) и, на закуску, декана факультета технологии машиностроения, только с усами и тоже моего возраста. Он тоже учился с моими родителями, я на фотографиях видел, и разговоры слышал. Александра Лаврова сегодня на занятиях не было.

Выйдя на большом перерыве, я уже даже не удивился, когда, задрав голову, прочитал на здании Большого корпуса «Институт сельхозмашиностроения», хотя учился в «Техническом университете». Я вообще-то, когда посплю, лучше соображаю. В каком же году его переименовали? Кажется, в 1992 или 1993. Я не поленился слетать на ЦГБ (центральная городская больница, от остановки у которой, можно было уехать в центр города и домой), где отсутствовал ресторан «Шаверма-Маркет», и блинная «Вкуснолюбофф», зато вдоль дороги скучковались навесики стихийного рынка с разными мелочами, продавали пиво на розлив, и ту же шаурму, но из ларька, и все так же стоял киоск «Союзпечати». Газету мне купить было не на что, мало ли как на мои деньги люди отреагируют, но свежие газеты раскупались, как горячие пирожки и мне удалось подсмотреть дату: 11 сентября 1989 года. Ну и где мне найти такого Дока¹, который вернет меня в мой 202... год?

---

¹ Отсылка к к/ф «Назад в будущее» Земекиса

4.

Я раньше такое только в кино видел. Когда главный герой попадает в прошлое.

В общем, увязался я за мамой домой. Только она на автобусе поехала. А я пешком пошел. Полтинник полтинником, но он же из 21 века! Бумажка здесь. У папы стипендия меньше, он рассказывал. Еще милицию вызовут, скажут, или украл, или сам нарисовал.

В общем, я решил попробовать мамке сдаться. Боязно, что не поверит, что вызовет психушку, испугается. Но родная мать, все-таки! И здесь у меня все равно больше ничего нет. Только надо как-нибудь по-умному, чтобы сразу не напугать. А то, здрасьте, я Ваша тетья, то есть Ваш будущий сын. И чтобы получилось, действительно, по-умному, я решил сначала все тщательно обдумать. Поэтому сразу домой не полез, а сел на лавочку перед собственным подъездом и стал думать. Кстати, сейчас перед моим подъездом лавочки нет, ее какой-то умный сосед к себе на дачу забрал. Давно еще.

Думал я минут пять. Потому что из подъезда появились две бабульки, и стали на меня недобро коситься. Возможно, их лица должны были быть мне смутно знакомы. И я пересекался с ними в раннем детстве, но я их не узнал, они меня тоже, и пришлось передислоцироваться на детскую площад-

ку. Через некоторое время там появилась мать моя, язык не поворачивается так ее называть. Она смело подсела ко мне на соседнюю качельку и поинтересовалась:

– Ты что, следишь за мной? Она меня в окошко увидела, оказывается.

– Нет, – говорю. – Просто мне идти больше некуда. Живу я здесь. И вообще, я твой сын. Только ты меня ещё не родила...

Хорошо, что психушку не вызвала. Только пальцем у виска покрутила.

– Ладно, говорю, – пошутил. Я родственник Лаврова. Дальний. Вчера вечером приехал, а их дома никого нет. На лавочке возле института вот, переночевал. А их и сегодня нет. А ты его знаешь.

– А! – мать хлопнула себя по лбу, – Сашка же только завтра из `мех. отряда возвращается. А родители у него за границей. Странно. А дед где? – Ну, ничего, мы позвоним. Ты же, наверное, голодный, путешественник? Пойдем, супом покормлю.

Самое сложное было – не бросится на шею своему деду по маминой линии. Живой! Я же вырос с ним, он мне как младший брат! А там, откуда я, его уже год как нет. А тут он еще и моложе. И бабушка молодая, красивая. Мамина мама. И кот есть. Черный. Муслик. А я думал, мы больше собачники.

Они все на меня спокойно отреагировали. Даже кот. Ну, пришел к дочке какой-то пацан, одноклассник. Ну и при-

шел. Здравствуй, Денис. Очень приятно. Кушать будете?

Мать, покормила меня в кухне. Ага, кушать не буду! Конечно, буду! Это я от стресса голода не ощущал, а тут как после супа еще жареную картошку увидел, так и поплыл...

Пока я ел, она ходила в прихожую и звонила. Моему прадеду, наверное. По папиной линии. Я его застал, но почти не помню. Знаю про него, что он был какой-то очень важный летчик. В войне участвовал, потом других летать учил. Полковник. Но засекреченный больно. Не простой прадед. В интернете про него ничего нет. В отличие от другого моего прадеда, который на войне медбратом был. Но того я вообще не застал.

Прадед, который летчик, видимо, не отзывался.

– А ты точно Лавров? – в очередной раз вернувшись из прихожей (там, к стенке телефон был прикручен, дисковый) – уточнила мать. Ну, какая она мне сейчас мать? – Танька! Танюшка. – Чего ж они тебя не ждут?

– Ну, это, – от еды меня разморило и захотелось спать. – Должны. Мы списывались с Сашкой (с папкой, то есть). Недоразумение какое-то.

– А чего ж вы не созвонились то?

Гм. Так я и телефона то не знаю. Та квартира уже продана давно. Этого я конечно не сказал.

– Да вот, говорю, я звонил, никто не отвечает. А занятия начинаются. Я ж к вам в универ... институт перевелся. Думал, телефон не работает.

– А где твои вещи? – В камере хранения? – Упс. А с вещами-то прокол.

– Вещи и деньги, – говорю, – к сожалению, сперли. Один студень остался. В кармане был. И предъявил ей в развернутом виде. Хорошо, что внешний вид студня со временем не меняется. А кто обращает внимание на печати и даты?

Такое чувство, что ей даже неудобно стало, что она вроде бы как мне не верит. Мельком глянула и все.

После еды, мы с мамой уединились в ее комнате. Когда я родился, это была комната прабабушки, а потом деда. Оказывается, раньше в ней мать жила. А что удобно – она изолированная, вход сразу из прихожей. Маленькая, как все в хрущевках. Книжный шкаф, стол, на столе чертежная доска. Над столом карта и фотографии любимых маминых актеров и музыкантов. И разложенная софа. Диван такой. Я на него присел. Прилег. И вырубился.

Проснулся, когда было уже светло. Одетый, укрытый пледом. На софе. С Мусликом на груди. Я в прошлом. Офигеть! Не, реально, классные у меня предки. Даже на улицу не выгнали. Может, конечно, они меня и будили, чтоб выгнать. Только я ничего не помню.

Я вышел в коридор, и сразу наткнулся на разубающегося в прихожей высокого незнакомого парня с большой сумкой.

– Ты кто? – одновременно брякнули мы друг другу.

Из туалета, потушив свет за собой, вышла моя м... Таня.

– О! Уже познакомились? – Мы с парнем переглянулись. –

Нет.

– Ну, тогда знакомьтесь, – Саш, это Денис Лавров, родственник Сашки Лаврова. – Денис, это мой муж Александр. Он только что из мех. отряда вернулся.

Мне аж поплохело. Моя мама замужем не за моим отцом? Не тот Сашка! Да как же я родился-то?

Потом я сидел в большой комнате вдвоем с Мусликом, и прислушивался к базару на кухне. Дед с бабушкой, наверное, ушли на работу, поэтому «муж» в выражениях не стеснялся, и голоса сильно не принижал:

– Как ты могла, замужняя женщина, пустить ночевать бродягу с улицы?

Мать оправдывалась:

– Ну, какой же он бродяга? Он же в нашей группе учиться будет, я студенческий его видела! Он Лаврова родственник, и потом он в затруднительном положении – его ограбили, у него ни вещей, ни денег! А я тут с мамой и папой...

– Нафиг мне твой Лавров? Отправляй его к родственникам, пусть они сами с ним разбираются!

Да. Не знаю, как я бы в его случае отреагировал. Во, влип! Ладно, как бы то ни было, не будем подставлять мать. Я переложил на диван кота, хлопнул по коленкам, и вышел в кухню:

– Спасибо, добрые люди. Но пора и честь знать! Я так понимаю, все мех. отрядовцы уже дома? Я пошел родственников искать.

– Подожди, я ему позвоню! – Мать ринулась к телефону. Александра аж передернуло. Я пожал плечами.

Не знаю, что и как она объяснила Сашке Лаврову, моему будущему отцу (хотя я уже ни в чем не уверен), но ее проекция оказалась надежной.

– Езжай, там тебя ужу ждут!

Мать дала денег на дорогу. Рассказала, как ехать, и даже адрес повторила два раза, на всякий случай. За что ей большое спасибо, я, конечно, там был, но тогда мне 4 года было.

Ну что ж. Попробуем подружиться с папой.

5.

Ехал я на трамвае. От Северного рынка. До рынка пешком дошел. В моем времени даже рельсов уже не осталось. И трамваев таких тоже. «Шестерка». Дзынь!

Как мне общаться с папой? Какой я родственник, с какой стороны? Или признаться, что я его сын? Но даже если с мамой не получилось? А тут еще он не ее муж! А папка мне поверит? Да что я знаю про них вообще?!

И прадедушка жив. И дедушка. Тот дедушка тоже мой друг. Мы с ним и с бабушкой на море ездили, если б не он...

Я про папиных родственников вообще очень мало знаю, бабушка почти со всеми поссорилась. Так кто же я? И что отцу говорить?

Неожиданно мне вспомнился дальний родственник со стороны мамы, точнее дедушки, который мне как младший брат. Еще задолго до моего рождения, этот родственник появился перед моей прабабушкой (мамой моего, как младшего брата, дедушки, и моей мамы папы), и заявил:

– Здравствуйте, я незаконнорожденный сын вашего родного брата!

Короче, чем больше путаницы, тем лучше. Но кого из предков подставить? Чей я незаконно рожденный сын? Папин, наверное. Какой бред!

Дверь мне открыл отец, Сашка Лавров.

–ЗдорОво! – и как двинет в плечо по-дружески. – Ты как так умудрился? Я чуть не ляпнул банальное «Это Ростов, детка», но вовремя прикусил язык. Во-первых, не все в Ростове именно так, а во-вторых, по легенде, я не из Ростова.

– Не знаю. Мать вам писала. Что я в универ перевелся, и некоторое время у вас поживу.

– В универ?

– Ну, в институт.

– А ты откуда – из Оренбурга или из Москвы?

Так и хотелось брякнуть – из Чалтыря! Боюсь, говор мой не как в Москве или в Оренбурге...

– Ээээ – ну из области!

– А, так это ты, наверное, из-под Таганрога, тети Анин родственник?

– Наверное.

– Короче, дед придет, разберемся. Есть хочешь?

– Да нет, меня м...эта, Танька завтраком накормила. А дед где?

– На работе. Тогда пойдем, устраиваться. В одной комнате спать будем!

В комнате отца было два высоких окна. Между окнами – большой аквариум. И под каждым окном – по полуторной кровати.

– Ого, так вы все-таки ждали меня? – брякнул я неожиданно даже для себя, но в тему.

Папка смутился: – Да нет, Пашка же женился, он отдель-

но теперь живет. Пашка, ну да, папин старший брат. Дядька мой.

– А-а-а. Повезло мне.

Вот здесь спать будешь – он показал на диван, где лежала стопка чистого белья. Пойдем, покажу, где что.

Несмотря на то, что мне было 4 года, кое-что я вспомнил. Например, стол, об который я заработал свой первый шрам над бровью. Бабушка затрепалась с соседкой, и пропустила момент, когда я летел по коридору и врезался в стол.

– Ладно, раз есть не хочешь, держи тетрадку, ручку, пошли. Может, хоть к третьей паре успеем.

Во, дает! Только ж приехал, и сразу учиться! Но я не возражал. Лучше учиться, чем рассказывать кто я и откуда. И надо попытаться понять, почему отец и мать не вместе. И что мне за это будет. И буду ли я вообще.

6.

Первые две пары были лекциями. Папа тут же подсуетился, и попросил конспект у двух девчонок, но почему-то не у мамы. Девчонок в группе было четыре. На потоке восемь. У меня на всем потоке одна. В декрете.

Папины и мамины однокурсники, конечно, проявили ко мне интерес. Я мозг сломал, объясняя, как я оказался без денег, вещей и документов, и кем я Лаврову прихожусь по родственной линии. Мальчишкам и преподам, делающим переключку на практических занятиях (тем преподам, которые лекции читали, вообще пофиг), в принципе, хватило минимальной информации. Вписали карандашиком внизу списка, посмотрев в студию, познакомились, руку пожали, и все. А вот девочки! Которые мало того, что активные и любопытные, так еще и не дуры с точки зрения логики и техники. Поскольку каждая, оказывается, школу закончила с медалью (за редким исключением с двумя четверками), и инженерное образование получала не на халяву, а присутствуя почти на всех занятиях, лабораторных и практических, имея почти все лекции, и понимая, чему ее учат. А тут я еще, оказывается, Сашка Лавров номер два, а папа, я так понял, у девушек всегда пользовался повышенным интересом. В отличие от меня. Я вообще с девочками редко общаюсь. Я в 11 классе был, так скажем, внешне не в форме, и не представляю,

какой интерес я могу у них вызывать. Не представлял. Короче, я так не привык. И никогда, как Штрилиц, не был так близок к провалу.

Но, по сравнению с тем, что меня ждало вечером, когда прадед (прадед – бабушкин отец, папин дед) налил мне коньячку и рассказал, как его друг привез невесту знакомить с родителями, и точно так же ей налили рюмку, чтобы проверить свой ли она человек?! Я же не пью! От слова совсем!!!

Эту страшную историю про тест на вшивость я слышал еще от мамы, ее здесь так же проверяли, когда она в первый раз в качестве невесты на Пушкинской появилась. Страшная (история, не мама) она была потому, что коньяк в бутылке стоял в серванте начатый, и, каким-то образом, туда заполз таракан. Умер, естественно. Таракан с коньяком выплыл к маме в рюмку. Но ей было так неудобно перед будущими родственниками, и за них, и так не хотелось ударить лицом в грязь перед дедушкой (невеста его друга смело выпила предложенное), что она не стала афишировать присутствие таракана в коньяке и опустошила рюмку вместе с ним. Закусила коньяк тараканом, в общем. Вот такая история.

Короче. Тараканов у меня в рюмке не было. Но дела это не меняло. В итоге я все-таки объявил, что не пью. Давно. Больше не могу. Меня даже на день молодежи в мех. отряде на первом курсе не соблазнили. И боюсь, что, несмотря на то, что прадед пожал плечами: «Больной что ли?» – кажется, он начал что-то подозревать. Особенно, когда стал выяснять

степень родства: – Так ты Анне кем приходишься?

Я, измученный утренним допросом девчонок в институте, беспечно махнул ладошкой:

– Дедушка Миша, да я сам уже запутался². Знаю, что мать кому-то из вас писала, и все согласовала, в институт я перевелся, меня вроде ждать должны были – и вот он я, здравствуйте, я ваша тетя, – и улыбнулся улыбкой идиота. Я это умею. Но, по-моему, прадед мне не поверил... Не очень сработал сценарий прабабушкиного родственника...

После ужина мы с Санькой (который отец), прекрасно провели время. Слушали Цоя (я на его песнях на гитаре с учительницей играть учился! – мне он тоже нравится) на двух кассетном магнитофоне. Его родители папе из-за границы привезли, сейчас (в моем времени) он на даче стоит. Ходили курить на балкон. То есть папка курил, а я нет.

– Ну и молодец! – отреагировал на это мой прадед, выходя с балкона, где занимался тем же самым, что и отец: – А Сашок – дурилка картонная! – и хлопнул папку по затылку.

Еще у папы две гитары было. Одной я теперь пользуюсь, а вторую я не застал, потому что папа ее маме подарил, а потом, по семейным преданиям, сам же на нее упал нечаянно. Классная гитара, оказалась, концертная, звук хороший. Только папа играть не умеет. Поэтому он с уважением меня послушал.

---

² Для тех, кто тоже запутался, я там, в самом конце, схемку набросал для одного человечка (прим. Дэна)

Не, с ним сейчас прикольно. Там, откуда я, у него не так давно умер отец, мой второй дед-друг, и это его очень сильно подкосило. Потому что отец и для него был самый лучший друг, в отличие от мамы, даже больше, чем друг, почти бог... Он винит себя в том, что его папа умер так рано. И мать его (бабуля моя) масла в огонь подливает. Но она всех виноватыми считает – папу, врачей, весь мир (кроме себя, разумеется). Только папа сильнее всех впечатляется. Поэтому мой папа там не очень приятный в общении человек... Там, в прошлом, в будущем, блин, запутался...

Перед сном, временем разговоров по душам, когда свет уже выключили, а спать «не идет», я решил невзначай поинтересоваться:

– Санек, а тебе Танька нравится?

– Какая Танька?

А, ну да, у них же в группе их две.

– Ну, эта... Полуянова (девичья фамилия моей матери)?

– Так она же не Полуянова уже, она же замужем, она –

Стрельченко!

– А.

– А откуда ты знаешь, что она раньше Полуянова была?

– Ну... я ж у нее ночевал, там папа, мама, бабушка...

– И что, понравилась, сам хочешь подкатить?

– Да она же замужем! Дурак ты...

– А чего спрашиваешь?

– Да так, хорошая девчонка, мне кажется...

– Да, ничего... мышка...

– Все равно. Нравится? Она так быстро с тобой про меня договорилась.

– Знаешь... Если честно... очень. Особенно, когда она за муж вышла... Мы же дружили. Ну, просто дружили. Друг она классный. Но, с другой стороны и правильно, наверное. Если бы с ней что-то серьезное получилось, то... страшно.

– В смысле?!!

– Ну, она такая правильная, красавица, отличница, а я разгильдяй...

Мда... И не поспоришь...

Как же понять, чем это мне грозит? Чувствую вроде себя нормально. Не исчезаю никуда пока. Ключевое слово пока. Надо завтра в телефоне на фотки посмотреть. А вдруг я там уже размытый? Кстати, а когда у него заряд закончится? Хорошо, что разговаривать не с кем, батарея долго будет держать. Но с этим надо что-то делать!

7.

Что делать. Что делать. Себя в телефоне увидеть я успел. Но размытый я или нет, не понял. Заряд-то у телефона не резиновый! Надо признаваться кому-то. Может, прадеду? Все равно что-то подозревает. Только нужны доказательства железные. И телефон зарядить. У меня там его фотка есть. И фотка другого прадеда, отца папиного отца, тоже лётчика. Они вместе служили, насколько я знаю. Мы с матерью для «Бессмертного полка» с бумажных носителей фоткали, чтоб в интернет выложить. Так как же мне телефон зарядить? И чему меня только в универе учат? Думай, голова, думай! Если сама не додумаешь, найди в книге, или того, кто соображает. Интересно, а компьютеры уже есть? Блин, есть, конечно! У нас в институте же (!!!) есть же Вычислительная Техника, как предмет! Значит, и компы есть. Вроде как, если от розетки боязно, что с напряжением не попадешь, то от компа же, обычно, можно? У меня только коротенький переходничок в кармане есть, подзарядник я в кармане не таскаю, конечно. И как подсоединиться? Гнездо для флешки – это вряд ли. Я даже заскочил в лабораторную для Вычтеха проверить – ну нету! Нужен спец!

– Са-ань! – это я папке. А у тебя знакомый спец хороший по компам есть?

– В смысле? Ну я в школе в 9-10 классе на УПК³ ходил на вычтех. (О чем он, вообще? И не спросишь...)

– Посмотришь?

И я достал из кармана телефон.

– А что это?

– Запустим – покажу! И расскажу. А то непонятно будет.

Папка, конечно, этим объяснением не удовлетворился. Я показал шнур, показал гнездо. Сказал, что в телефоне есть аккумулятор. И напряжение в 5 вольт. И в компе 5 вольт. Как только их совместить? И где получить доступ к компу? Вы не поверите! Ни у кого из папкиных знакомых компьютера дома в личном пользовании не было!

Пока мы думали над этой задачей, продолжался учебный процесс, мы ходили на лекции и на практические занятия. К моему большому удивлению, преподаватели не отмахивались от студентов, когда те пытались задавать им вопросы, а старались толково и понятно отвечать. Самыми активными был муж моей матери, будущий декан факультета технологии машиностроения и (цитирую своих предков) «самый умный из армян это ВАник Погосян». Для меня это было непривычно, потому что мои однокурсники вопросы задава-

---

³ УПК – Учебно-производственный комбинат трудового обучения и профессиональной ориентации учащихся. В старших классах раз в неделю школьники посещали что-то типа курсов начального образования определенной профессии, на выбор (например, швея-мотористка, чертежник, оператор ЭВМ и т.д.). По окончании обучения ученики сдавали экзамены и получали свидетельство об овладении трудовой специальностью.

ли редко, собственно и на лекциях особо не проявляли такую посещаемость, рассчитывая на «зарядить». А тут я про «зарядить» вообще не слышал. Такое чувство, что неприличное слово. И Гриша из Чалтыря такой приткности на занятиях не проявлял. Ну, может хоть здесь ума наберусь настоящего.

Некоторые преподаватели сохранились и в моем времени. Правда, единицы, и совсем уже постаревшие, за исключением одного препода по спецпредмету, который, кажется спал в холодильнике. И, что в будущем, если и отвечал на вопросы, то всех запутывал, и сам запутывался, что в нынешнем (тьфу, так какое ж, оно мое время, какое нынешнее, какое будущее? Я сам запутался!)

После института мы зашли домой, а потом папа Саня кому-то позвонил, и вечером мы, захватив шнур и мобильник, отправились в проектный институт (сокращенно НИИСтрой-блаблаблаПРОЕКТ), где работал один из друзей папиного брата (дядьки моего) Юрка по прозвищу Тушка системным администратором. Почему Тушка не знаю, выглядел Юрка худым, волосатым сумасшедшим профессором. Только в молодости, когда профессор еще разгильдяем был. Ну или сидмином. Из прошлого. Лишних вопросов не задавал, не получив толкового ответа на вопрос: «Что за хрень?» не расстроился, послушал вводные (ну там, аккумулятор, 5 вольт, процессор, память), хотя «хрень», наверняка, заинтересовала. В качестве оплаты за труды, папа Саня достал из кармана бутылку водки «Пшеничная», которую они с Тушкой в ка-

честве стимулятора мозговой деятельности тут же и начали (ну я-то, не в счет), хотя Юрка, как и дед, наверное, тоже подумал, что я больной.

В общем, победили мы телефон. Зарядили в смысле. Подсоединив электропитание компьютера к аккумулятору телефона. К завершению процесса папу и Тушку уже не очень интересовало, что это за «хрень». Тушка остался спать на работе, а я папу домой поволок. По дороге на нас пытались нападать асфальт и деревья, потом, когда уже успешно прокрались мимо прадедушкиной комнаты, где он по своему способу смотрел телевизор (громко храпя перед экраном), в зале коварно напало пианино. Но все-таки хорошо, что у папы был я, все атаки мы удачно отбили, и я благополучно уложил его спать.

Осталось под благовидным предлогом разбудить прадеда (деда – просыпайся, пора в кровать!) и... сдать.

8.

Почему все-таки прадеду первому? Ну не знаю я, почему. Когда то-то в будущем мама процитировала мне стихи моей крестной мамы Люси: «Не верю в мудрость старости – она безжалостна и безобразна, И не щадит ни чувств, ни разума, К тому же, каждый будет стар, А мудр – далеко не каждый.»⁴ – А бабушка Миша – мудр – сказала мама. И я это здесь и сейчас прям прочувствовал.

Она очень его любила. Она застала в живых пять или семь разного степени родства бабушек, и одного родного дедушку – мамино (моей бабушки Веры) папу Васю (ее дедушку и моего второго прадеда). А прадедушку Мишу, хотя это и папин дед – отец его мамы, моей бабушки Лизы – считала своим вторым дедом.

Короче, мама была права. Хоть и спросонья, он оказался не только мудр, но еще и в теме. Недаром засекреченный. Он каким-то образом принимал участие в разработке машины времени (самолета, то есть). Ну, не признался, конечно, каким. Но логическую цепочку, я построил – летчик, самолет. А он построил логическую цепочку – я не родственник тети Ани из Таганрога, но явно нечужой человек. С интересом изучил телефон. С грустью посмотрел на свою фотографию, и на фото своего друга, папу бабушки Вовы (папы мо-

---

⁴ Стихи Л. Татариновой

его папы), которые для «Бессмертного полка». Хоть доказывать ничего не пришлось. Видимо, шибко я на папку похож.

– Деда, – меня домой вернуть как-то надо! – попросился я. – А то родители волноваться будут. И это... мама моя сейчас не за папой замужем...

Кстати, мама Таня сегодня села за стол в ряду передо мной, обернулась и поинтересовалась, как мои дела. Очень удивился. А она сказала, что ответственность за меня чувствует. Вот. Типа я же ее здесь первую встретил.

– А муж твой не приревнует, что ты у меня «как дела» спрашиваешь? – не смог не поддеть я.

– Да ну его! – махнула рукой мать.

Как все сложно то!

В общем прадедушка проникся. Про возвращение домой обещал подумать. А про маму с папой развел руками. – Сам уж как-нибудь. Или они... сами...

И я решил все-таки и маме все рассказать. Еще раз. И про то, что я ее сын из будущего. Про то, что мой папа Сашка Лавров. А не тот Сашка...за которым она сейчас замужем. Раз она так с прадедушкой Мишей угадала. Мать все-таки!

Она поверила. Не сразу, но поверила. «Ты как Алиса Селезнева, гостя из будущего, да? В смысле гость... На машине времени приехал?» Я ей тоже телефон показал. И фотки в телефоне показал. Говорю же мать – свой парень! Фоток у меня, правда, семейных совсем не много. Но дед, ещё живой, в смысле ее папа, который сейчас живой. И дедуш-

ка Вася, ее дед. Который умер, когда она на первом курсе училась. Тоже фотография для «Бессмертного полка». Сама мать, хоть и старше, но она у меня хорошо сохранилась, узнаваемая. Ее до сих пор в будущем за мою старшую сестру иногда принимают. Или жену... Повезло, в общем. Мало ли, может, не будь она отличницей, фантазеркой и студенткой технического вуза, может милицию вызвала бы. Сказала бы, что я японский шпион. А так поверила.

– Одного я только не могу понять – выдала мать – при чем здесь все-таки Сашка Лавров? Я же за другим Сашкой замужем, за Стрельченко?!

Вот тут у меня вся эйфория пропала, и нахлынула волна страха

– Не знаю, – вздохнул я. – Я не знаю, как я до сих пор в воздухе не растворился. – А что у Лаврова и у меня совсем нет шансов?

– Не знаю, – почему-то не возмутилась, а тоже вздохнула мама.

– А может, я ваш со Стрельченко сын? Может, я не из будущего, а из параллельной вселенной? Я про такое тоже читал.

Как все сложно то!

Нам удалось спокойно поговорить, потому что Сашка Стрельченко проспал первые две пары. Это у него вообще, оказалось, тенденция. И на большом перерыве мы с мамой Таней сидели на лавочке в студенческом парке недалеко от

кафедры физкультуры, которая была следующими двумя парами. Вокруг росли огромные старые деревья, а не молодые, как в моем «сейчас». Еще не были построены бассейн и 8-й корпус, вместо спортзала и тренажерки. Еще работал тир в подвале 4-го корпуса, а за самим корпусом располагалось кладбище старой техники... а на его первом этаже, в блинной, пекли вкусняющие блинчики с разными начинками (но почему-то на всех остальных этажах воняло тушеной капустой). С высоких деревьев, кружась, падали разноцветные листья, и уже пахивало осенью и немного грибами...

9.

Вечером все смешалось в доме Лавровых. Сначала раздался непрерывный пронзительный телефонный звонок. Папа и прадед поговорили по телефону по-очереди, потом папа козликом скакал в квартире вопя: «Урра! Родители приезжают!» Впечатлился и я. Но немного по другому поводу. Бабушка Лиза. Как она меня воспримет? За деда я не переживал – думаю, и с более молодым дедом я найду общий язык. Всегда находил.

Ну, в общем, на первый взгляд, зря я испугался. Во-первых, бабушка с незнакомыми людьми старалась вести себя прилично (хотя бы первое время, и, если они не продавцы на рынке или в магазине – тут по-разному могло быть). А, во-вторых, еще был жив не только мой дед, но и прадед. И с моим папой, и со своим папой она давно не виделась. Так что сразу меня не выгнали. И даже продолжили кормить. И вообще, все было хорошо.

Утром они приехали. Раздали подарки, выяснили, кто я. Их, молодых, тоже прикольно было наблюдать. Загорелые, счастливые. Мы их праздничным обедом встретили.

Но, буквально, на следующий вечер, я услышал знакомое шипение: «Наш дед с ума сошел!» Меня аж передернуло. В моем времени эта фраза постоянно летела в моего деда Вову – умничку профессора, ученого интеллигента – пока он

был жив. После его смерти она, естественно, от этих своих слов отказывалась. Оказывается, в этот раз, она про прадеда. Курит он много. Тут, она, конечно права. Я сам не курю, и другим не советую. Но мозги по этому поводу «делать» никому не буду. Личное дело каждого. Так ведь прадед намного старше ее! Войну прошел. Великую Отечественную. Они там все курили... у Высоцкого песня даже есть: *«Друг, оставь покурить... а в ответ тишина, Он вчера не вернулся из боя...»* (Да, я и Высоцкого песни знаю, хотя сам не пою. Хорошо меня мама воспитала, оказывается! Правильно!) И я напрягся. Возможно, зря. Но бабушка каждый его поход на балкон стала сопровождать ехидными и обидными замечаниями. Благими намереньями...

А на следующее утро, не постеснявшись меня (наверное, привыкла) устроила ему настоящий разнос с криками и рыданиями: «Ты мне всю жизнь испортил!». И, кажется, вовсе не за курево.

В общем, неудобно мне как-то стало. Прямо очень. Ну вот как в моем времени с ней вместе в одной машине, когда она папу за курево гномит (правильно в общем гномит-то, но в тот момент прадедушку и папу жалко). Интересно, почему она такая? Дед же классный! Тайна прямо какая-то, чем же он ей жизнь испортил? Может быть, поэтому?.. – Она же бабушка мне! Я же ее любить должен!

Но в целом, поскольку я был морально подготовлен, все было не так уж и страшно, даже скорее меньше эксцессов

было, чем всегда.

До тех пор, пока я невольно не подслушал (как всегда, бабушка не сильно-то и конспирировалась) очередной скандал, который она устроила прадеду в кухне по поводу меня. Оказывается, в том, что я здесь живу, тоже он виноват. Принимает тут всяких бедных родственников. Родственников из деревни. Нахлебников, и так далее.

Возможно, потом она об этих словах и пожалела. Возможно, ей просто пар надо было выпустить. Она часто так делает – наговорит гадостей, а потом улыбается, как ни в чем не бывало. Но я тихонько собрал свои вещи (благо собирать было особо нечего), и, по-английски, вышел в ночь. Дедушка, который умница-профессор-интеллигент за меня вступить не успел, он допоздна на работе был. Бедный. Придет – ему еще ужин готовить. Бабушке же некогда – она с прадедом ругается. Да и не умеет она готовить. Или не хочет. А папа – в кино с девушкой. Не с мамой. Все равно. Ведь, правда же, бедный родственник, нахлебник. Да и родственник ли вообще? Сколько ж можно! Лучше на лавочку перед институтом. Тем более, не привыкать. Не хочу никого подставлять.

10.

Дежавю. Проснулся я от звука маминого голоса. Не открывая глаз, потянулся и сообщил:

– Ма! Мне такой странный сон снился!

– Опять ты?! – да, это мамин голос. – Тебя что, выгнали?

Мой тяжелый вздох. – Сам ушел. Не спрашивай, почему.

Так надо.

В общем, мамы бывают разные. Особенно в молодости. Моя заткнулась. Не стала задавать лишних вопросов. Я ж говорил, свой парень. Но тут на меня внезапно налетел папа.

– Дэн, ёпрст! – ты что творишь? – Мы всю ночь не спали!!!!

Я молча отстранил его на расстояние руки.

– Я не вернусь!

– Почему?!!!

– Не хочу никому мешать. Я не бедный родственник.

– Мать, – сразу сообразил папка. – не обращай внимания.

– Не могу. Она за меня деда гномит!

– Она всех гномит! Чего-чего она с дедом делает?

– Ну, унижает!

Мама Таня никуда не ушла:

– Мальчики, пойдёмте на занятия. Потом придумаем, что делать.

И весь день они придумывали, куда меня деть. Лучше, ко-

нечно, обратно. Но тут в курсе только мать, и то... с нюансами. И, никуда не денешься, без прадедушки, который вообще сильно в курсе, не обойтись.

С утра папа, на пятиминутке, накормил меня легендарным бутербродом из буфета на 3-м этаже главного корпуса. Круглая сладкая булочка, разрезанная посередине, а внутри докторская колбаса. Объеденье. Куда там гамбургеру! Тем более, «Макдональдс» еще даже в Москве не открыли. Да и не сравнимо это! Или я был голодный.

На большом перерыве мама поделилась со мной своим бутербродом. Из дома.

После занятий папка, убедившись за день, что я, действительно, не вернусь, подвел меня к будущему декану факультета технологии машиностроения (который здесь с усами), и сказал, что сегодня я ночую в общежитии, а завтра посмотрим. Усатый там староста этажа. И у него есть свободная койка.

Мама к нам больше не подходила.

С усатым здесь, и без усов в моем времени, дядюшкой Августом, я уже «пересекался». Два раза. На двенадцатый день от роду, и во время учебы в универе – он мне, однажды, помогал направление на пересдачу в деканате получить, по родительской просьбе. Наверное, поэтому мы интуитивно друг друга стеснялись. Я его, он – меня. Он вообще такой, неразговорчивый. Здесь он откликался на кличку Усатый и пыхтел, как ёжик, когда кастрюлю с ужином из общей кухни тащил. Он и сейчас мне лишних вопросов не задавал, накормил.

мил макаронами с сосиской, и только поинтересовался, чего я сразу в общагу не устроился. Я буркнул: «Собирался! Со временем.» Намек на «может, пора?» молчаливо прозвучал в воздухе (или мне показалось). Поэтому, когда Усатый засел за курсач, я полез на свою кровать, тем более, что ночью на лавочке, конечно, не выспался. Железную такую двухэтажную кровать. Нет, надо активироваться и дергать домой. Я тут всем только мешаю. Невыносимо это. Завтра же прадеду позвоню. Извинюсь, заодно, что пропал.

Наутро отец приволок мне мои тетрадки с лекциями, которыми я успел обзавестись, вчера я лекции на листике записывал (во примерный стал, аж противно! Надо их не забыть, когда возвращаться буду). Так же, Сашка вручил мне пакет с джинсами и полосатой майкой.

– Чего это? – насторожился я. – Не надо! Мать твоя меня в институте увидит, скажет, украл.

– Да вчера один из контейнеров пришел со всем, чего они там накупили. Там столько всего! Она до сих пор в шмотках ковыряется, даже не заметит!

Я себе это очень даже представил – знакомая до боли картина – вся квартира в коробках, и бабушка в них ковыряется. Перманентно. В прошлом, в настоящем и в будущем).

– Конечно, заметит! Думаешь, она не помнит, что покупала? Да она никогда не помнит, куда она все это положила, но всегда помнит, что оно у нее есть!

– Откуда ты так хорошо ее знаешь?

И тут я подумал, что, фактически, проговорился, и что папа тоже имеет право знать. Вздохнул, и полез за телефоном: – Я же обещал тебе рассказать...

Ну, в общем, опыт убеждения у меня уже был отработан на прадедушке и маме, так что папа поверил быстро. Тем более, я его копия. И даже не спросил, кто моя мать. От шока, наверное.

Прадедушка назначил мне встречу в парке на лавочке после своей работы. Попытался сунуть денег, но я отказался.

– Ты все слышал, да?

Я молча кивнул: – И не уговаривай! Мне её в своем времени хватает.

Прадед тоже тяжело вздохнул. Мне-то что, она мне бабушка – а ему дочка! И сейчас его очередь быть во всем виноватым. Потом, когда его не станет – деда, потом отца. Не хочу! Ни детей, ни жениться!

И мы приступили к делу. Прадед на листике схематично набросал инструкцию пользования самолета времени на базе СУ-27. С картинками и стрелочками. Тут вводишь время прибытия, тут отбытия. Проверяешь вот это и это. Дергаешь это, жмешь это. И полетели. Но без объяснений принципа действия, конечно. Я ж тупой, еще тупее. Окей, googl. Зачем мне это знать? И так вся кабина в приборах, тут бы не запутаться.

Осталось придумать, как мне обратно к самолету времени попасть. В действующую охраняемую военную часть без

бронезилета.

Я потом часто задавал себе вопрос: если прадед был в теме, почему он не организовал мне официальную «зеленую улицу» домой, воспользовавшись своими связями? А потом подумал, что, наверное, пожалел он меня. Ну вы слышали, что инструмент перемещения во времени существует? Ну и я не слышал. Засекретили бы меня, скорее всего, заизучали бы, как первого путешественника во времени и, вообще вряд ли бы домой отпустили... а я ему правнук, все-таки.

А потом все еще больше запуталось...

11.

Переночевал я опять в общежитии, хотя объедасть дядюшку Августа было стыдно. Правда, дядюшка Август (он же Усатый) был немцем с Кубани, и на днях родители передали ему посылку. То есть у него было.

Папа с мамой подкармливали меня по очереди. Только не пересекаясь. Как будто избегали друг друга. Прадедуська велел учить мат. часть и затаился.

А у меня возникла новая проблема. Повышенный интерес противоположного пола.

Я уже говорил, не привычно мне это. А тут еще мама. Отличница, комсомолка. Не спортсменка, правда. Зато профсоюзный, ну, не лидер, но близко. Короче, она в профсоюзе отвечала за художественную самодеятельность.

У дядюшки Августа тоже была гитара. И мы с ним вечером на днях побренчали. И папа еще меня, видимо, «сдал». И мама поставила меня перед фактом, что ей надо помочь, ей нужен номер на студенческий фестиваль «Осень», а я на гитаре играю.

А я что? ДДТ – мой конек. С маминым репертуаром мы могли пересечься только в песне «Что такое осень». Но, насколько я знаю, она была написана позже. И, по моим воспоминаниям, мама с ней прославилась в нашем черноморском спортивно-оздоровительном студенческом лагере курса по-

сле третьего. То есть, рано еще. Мало ли. Она по Розенбауму больше. Питерские песни, и «Вальс-бостон», конечно. Еще бессмертная «Под небом голубым» – ее коронная песня. Она фильм «Асса» 8 раз смотрела! (Точнее 9. Один раз, недавно, со мной. Ну, в 202... году. Не могу сказать зашел мне или не зашел. Неоднозначно все. Но атмосферный, и песни хорошие.) И романсы еще. Из фильма «Жестокий романс» и еще какого-то: «Ах, только бы тройка не сбилась бы с круга... две вечных подруги, любовь и разлука»...⁵ Ей еще наша собака очень подпевала.

В итоге мы с ней отрепетировали с моей подачи (блин, с отличницами все же удобно!) и спели (папа даже концертную легендарную гитару одолжил) песню того же Шевчука (на две гитары и на два голоса):

*«Где мы летим? И как уже давно?
Кто нас послал? И кто за все ответит?
Мы – первый камень в первое окно,
Цивилизации холодный ветер.*

*Размыта суть и не ясны причины,
Но в этом кайф, движеньем жизнь полна!
Играют в баре джаз суровые мужчины
В фужере божоле вращается луна» ... и т.д.*⁶

---

⁵ Фильм «Нас венчали не в церкви»

⁶ ДДТ «Где мы летим»

В общем, никто не понял, что песня из будущего, разве что необычная. Зато девушки из прошлого, учащиеся в нашем ВУЗЕ поняли, что я парень с гитарой. В отличие от девушек из моего времени, для которых, чтобы котироваться в их глазах, я должен был быть парнем с деньгами. И я вдруг обрел бешеную популярность у женского пола. К которой явно не привык. И плюс, получается, живу в общежитии. И еще (не знаю, стоит мне винить в этом маму, или нет) типа, голодаю. Ну, и началось паломничество. Яичница, котлетки, пирожки. В общем, свою хавку Усатому я отбил... Музыкой.

На самом деле, мне, конечно, есть что спеть. Огромным успехом среди умных девчонок технического ВУЗа, (особенно моего потока из 1989 года) стали пользоваться строчки: «*Мне глубина твоего океана все чаще важнее длины волны...*»⁷ И это чуть меня не погубило окончательно. (А, с другой стороны, ускорило процесс...)

Прадедушка обрадовал тем, что, чтобы получить доступ к самолету времени, он может помочь устроить меня в эту военную часть, если я пойду в армию. Как раз призыв. Прикольнo, да? Не знаю, как он думал обойти отсутствие паспорта и военного билета. Наверное, новые сделать. Но типа опять, это не сегодня, и не завтра, а когда какой-то знакомый из командировки вернется.

И еще, в меня влюбилась девушка. Допелся я.

---

⁷ Сансара «Облака этим летом»

Сначала я ничего не заметил, потому что девушки стали ходить за мной стадами. Это с одной стороны напрягало, с другой, конечно, льстило. Но потом понял, что одна и та же мелькает в любом составе. Она смотрела на меня издалека влюбленными глазами, близко не сразу подошла. Я ее на нашем потоке не видел. Наверное, вообще с другого факультета. А потом мы чуть не поцеловались. Не спрашивайте меня, как так получилось.

Ну как получилось, как получилось? – Сам в шоке! На день рождения меня пригласили. День рождения в общеаге. За песню вместо подарка. Потому что я сразу сказал, что не приду, потому что у меня подарка нету. Там я поел. Спел. А потом танцы. Белый танец. И она там была, и меня пригласила. Пел Крис де Бург «Lady in red». А потом Frank Duval. И она меня фактически поцеловала, но я сбежал. Домой к маме (точнее, пришлось ее на улицу вызвать, из автомата позвонить за 2 копейки, чтобы у нее проблем не было с этим, Стрельченко):

– Так. Делайте, что хотите, мне надо домой, назад, в будущее. Вопрос жизни и смерти.

– Почему? – Очень удивилась мать. Ну вот, как мне ей объяснить? Рано или поздно я же вернусь назад, все-таки. Перспективы-то намечаются. А тут любовь. Она будет страдать. Я буду страдать. Не подходящий я парень для того, чтобы в меня влюбляться. И чем дальше, тем хуже.

В общем, перспектива серьезно влюбиться и потерять дев-

ственность впечатлила меня гораздо больше, чем перспектива быть застреленным при попытке проникновения в закрытую военную часть. И я начал активно обрабатывать маму, папу и деда. Но, по-отдельности.

Дед оказался непробиваемым. «Всему свое время». Крепкий орешек.

Мать – девчонка. Романтика, все такое... «А может, ты просто боишься серьезных отношений? Или не уверен в себе?» – бла-бла-бла. Хоть в молодости, хоть в зрелости. Зануда. Конечно, боюсь! Конечно, не уверен в себе! Объяснял же уже, почему!

Отец неожиданно понял. И поддержал по-мужски. Морально.

12.

Открыл глаза. Прямо передо мной вверх ногами, упираясь пятками в потолок, стояла полностью обнаженная девушка. И внимательно смотрела на меня. Моргнула. Не исчезла. Но стала не ногами кверху – на четвереньки. И поползла ко мне. Многозначительно так. Я дернулся, упал со своего второго яруса двухъярусной кровати. И проснулся. И сбежал, на этот раз, сразу к папе. На лекцию за одну парту. Сон рассказывать. Он хоть морально поддерживает.

Папа Саша, видимо, тоже не до конца проснулся. Или, наверное, не понял, что это сон. Сказал: «Будь готов». И «слинял» с занятий куда-то. Он, кстати, задал мне тучу вопросов на разные темы про будущее, но так до сих пор и не спросил, кто моя мать. Наверное, боялся услышать ответ, претендентов много было. Я ж ему фотки выборочно показывал. Только те, что его касаются – про дедов-прадедов, чтоб родство доказать. На всякий случай. Ну не знаю, на какой. Может, чтобы ему дорогу не закудыкивать?

Сам бы я с удовольствием завалился бы к моей матери домой. Лишний раз с дедушкой – другом детства пообщаться. Ох, как же я по нему соскучился! Он так классно ругался! Николай Петрович Воронин⁸ мелко плавал... И вообще...

---

⁸ Николай Петрович Воронин – герой сериала «Воронины» на СТС (сыграл Борис Клюев)

Но там этот, ее муж...

Неожиданно, ближе к вечеру, у нас с мамой в студенческом парке снова состоялся разговор по душам. Спонтанный. И не по моим душам, на этот раз. Куда ж ее муж смотрит?

– Не думаю, что ты наш со Стрельченко сын, – вздохнула Татьяна. Я молчал. Иногда человеку полезно поговорить с умным человеком. С самим собой.

– Я, может, даже скоро разведусь с ним. Потому что есть ты, – выдала вдруг мать.

– Как так? – тут я не выдержал, конечно.

– Ну вот, смотри. Ты попал в тяжелую ситуацию. Сашка Лавров тебе помогает. А Стрельченко про тебя и слышать не хочет. Я, вообще-то, уговаривала его, чтобы ты вместо него в профилактории пожил – у него путевка была в наш профилакторий студенческий. Там, хотя бы, кормят – нет, непробиваемый!

– Ну, я бы на его месте тоже мне не особенно помогал бы. Он, такой, из отряда приезжает, а я в его кровати сплю...

– Ну я же ему все объяснила! Доверять надо друг другу! Я не представляю, что бы было, если бы я ему сказала, что ты из будущего! Значит, я тоже ему не доверяю! А мы же должны быть муж и жена – одна сатана! И вообще! Я уже и детей от него не хочу!

– Упс! Почему? – блин, ну за что мне все это? Мать в будущем сколько не пыталась вызвать меня на разговор на ин-

тимные темы – типа, как дети рождаются, или на тему девушек, мне всегда трудно было с ней разговаривать – она же мать моя! А тут она мне на свою личную жизнь жалуется... Только, как однокурсница! И я тут напрямую замешан! – И не отвертись же!..

– Ну почему, почему? – брезгливый он. Недавно моя бывшая одноклассница у нас в гостях была с сыном. Малыш у нас уписался – ты б рожу моего мужа видел, с каким омерзением он на лужу смотрел – как будто, он сам никогда маленьким не был!

Даже не знаю, что и сказать. А памперсы? А, типа ж, они еще не у всех!

– Он кота пинает, – вздохнула мама. – И вообще, жадный он какой-то. Все время ему чего-то не хватает – шмоток, денег. – Не знаю, в общем.

– А зачем ты тогда за него замуж выходила?

– Влюбилась. И он первый предложил.

– В смысле?

– Ну, никто больше не предлагал. Замуж.

Вот пойдешь, пойми этих женщин! Умница, красавица, почти профсоюзный лидер, на гитаре играет – и туда же – комплексы!

– А почему вы с Лавровым не общаетесь? Поссорились?

– Да нет, – мать вздохнула. – Мы не ссорились. Это они с Сашкой Стрельченко поссорились. Ну, а я типа тоже... Ну, не должна...

– По-моему, ты сама себе противоречишь. То ты одна сатана, то не одна!

Она чуть не плакала. Блин, девчонка же еще! Вот что с ними делать?

Пусть у меня нет опыта, но иногда (что в прошлом, что в будущем) я чувствую себя гораздо старше своих родителей. Как дети, ей богу!

– А если бы Лавров тебе замуж предложил? – неожиданно брякнул я.

– Но он же не предложил?!

Возле лавочки резко затормозила 24-я «Волга» с папой Сашей Лавровым за рулем. Легок на помине!

«Волгу» я помню. Сарай такой. Вельветовый коричневый салон, почему-то в белых розочках. Чехлы – ярко-синие. В ручке передач из плексигласа – нет, не розочка – золотая черепаушка! На приборной панели круглая наклейка с диснеевским песиком с длинными ушами. А под задним номером – слева – другая наклейка – SU (Soviet Union)⁹ – тогда так модно было. Поэтому лишних вопросов у меня не возникло. Она нам от дедушки досталась, когда уже взрослый папа помог ему 31-ю «Волгу» купить, а 24-ка дедушке когда-то тоже от прадедушки досталась. Но это уже совсем другая история.

– Поехали! – скомандовал будущий отец мне.

– Куда? – подорвался с лавочки я.

– Знаешь, куда – домой! – многозначительно поднял па-

---

⁹ Советский Союз

лец вверх папа.

– Я с вами! – быстро пришла в себя, и сориентировалась по обстановке мать. Не успел папа моргнуть, как она уже «угнездилась» на заднем сиденье. Даже раньше меня. Папа Сашка открыл было рот, но мама Танька отрезала:

– Так надо!

И я кивнул:

– Наверное, правда, так надо.

И мы помчались в темнеющий вечер. Без лишних вопросов и конкретных планов, зато в направлении светлого будущего.

13.

У папы талант угадывать с музыкой в тему. Мы ехали, а из встроенного в приборную панель кассетного магнитофона(!) лилась песня. Явно не мой стиль, не люблю «попсу», но песня очень хорошо описывала то, что со мной сейчас происходило, отражала мои мысли, мое настроение. Пелось от имени человека, который где-то «в холодных глубинах космоса потерялся во времени». Там были такие слова:

*Пусть на миг капризной судьбой
Забьют и ты, и я в случайном дне
Мир порой бывает чужой
И приносит в привычной своей суете час сомнений,
Я устал от волнений,
Мне надо снова мир потерянный найти
Волишебное такси сумеет мне помочь в пути ...¹⁰*

В общем, мелодия была такая веселенькая, и в продвижении по загородному шоссе на «Волге», которые здесь, как раз, чаще всего использовались, как такси, отлично пелась хором. И я даже поверил, что все у нас получится. Но вдруг музыка стала тревожной, и на ее фоне певец перестал петь,

---

¹⁰ Рома Жуков «Звездное такси» (Где-то в то время была написана, но мог немного промахнуться – прим. Дэна)

а стал жалобно просить: «*Я потерялся во времени, я хочу домой, спасите меня!*» И меня от этого что-то так «вштырило», что я чуть не прослезился, испугался, прочувствовал важность момента, и необыкновенный подъем сил, независимо от конечного результата.

Дорогу показывал я, конечно. Дорога на дачу – это в памяти на всю жизнь! Машину мы оставили на противоположной стороне шоссе, в лесополке. Планов, определенных, так и не возникло. Как говорит моя взрослая мама, «люблю экспромты». Главное, что уже стемнело, а темнота – друг молодежи. Труднее было найти дырку, из которой я выкатился – я ж из нее в состоянии аффекта выкатывался! Но и с этим мы втроем справилась. Ну, в общем-то, мама эту дырку нашла. Случайно.

Ну вот. Теперь пан или пропал. Мы обнялись. Молча.

– Надеюсь, до встречи, – пробормотал я про себя, опустился на четвереньки, осознанно спустился, а не скатился, как в прошлый раз, и прилег прямо под забором, выжидая тишину. Оглянулся через плечо. Они стояли рядышком, голова к голове, держась за руки, и смотрели на меня. Серьезные такие! Никогда не думал, что я смогу так подумать: «Какая милота!»

Но, пора. Прополз под забором. Тишина. Теперь бы не заблудиться. Так, с какой стороны я по канавке полз? Вспомнил. Пополз. Тишина. Чтобы понять, когда остановиться, пришлось высунуть голову над канавкой. Где там мой

невнятный хлам? Тишина. Вон он. Еще чуть-чуть ползти осталось. Та-ак. Высовываем голову. Хлам прямо, напротив. Где-то под ним люк. Тишина. Голова, плечи, пояс, ноги. Я весь. Правая рука, левая нога. Левая рука, правая нога. Хлам. А где люк?

– Стой, кто идет! – дежавю, какое-то.

Ну, вот и все...

– Я! – из-за забора неожиданно очень громко и звонко прозвучал девичий голос. Мамка моя!

Пока дяденька с ружьем отвлекался, я моментально напнулся на люк, кувыркнулся в него и замер с крышкой на голове. И все это прозвучало намного тише, чем тот топот «стада животных», который донесся оттуда, откуда кричали.

Если бы в подземном ангаре кто-то был, тут бы я и кончился. Но, нет. Никого не было. Тишина. Стараясь ее не нарушать, я опустил люк. Вытер лоб. Зажег фонарик на предварительно, под завязку, заряженном у Тушки телефоне, нашел самолет, дальше – по прадедовой инструкции. Опознал все приборы. Тщательно выставил все циферки. Молодец, прадедушка! Жалко больше не увидимся, и я не смогу тебе сказать осознанное душевное спасибо. И папка молодец. Приехал, и все порешал. И получилось!

На этот раз я попробовал не терять сознание, когда яркий свет впереди стал сворачиваться в одну точку. Но не вышло...

А в 1989 году, двое, взбежав на пригорок, тяжело дыша,

упали в высокую траву под деревом, и там притаились. Долго слушали ночь вокруг, но дыхание и биение собственных сердец заглушало все другие звуки. Меньшая темная фигура наползла на ту, которая была длиннее (это она осторожно положила голову ему на бок) и перевела дух: – Фу-у-ух...

Длинную фигуру вдруг осенило:

– Это НАШ сын!

И Сашка Лавров, наконец, крепко прижал Таньку Полуянову к себе, и поцеловал ее долгим страстным поцелуем.

А их сын (то есть, я) пришел в себя на заднем сиденье просторного легкового автомобиля. За рулем скорчился кто-то небольшой, макушку из-за сиденья было еле видно, а из зеркала заднего вида на него (то есть, на меня) глянули перепуганные глаза девчонки – подростка.

– А-а-а-а-а! – заорали мы оба, девчонка бросила руль, не знаю, как, я бросил себя вперед, успел схватить его, машина обо что-то стукнулась, и я опять потерял сознание...

14.

Снова открыл глаза, потому что меня кто-то шупал. Оказалось, мужик в докторском халате. Я дернулся.

– Тихо, тихо, не шевелись! – посоветовал он добрым голосом. Я так и лежал, пузом на спинке переднего сиденья, намертво вцепившись в руль. Снаружи кто-то, рыдал с подвыванием:

– Это не я-я-я-я-я! Это он!!! Не трогайте меня! У меня папа полковник!

А другой голос, спокойный и четкий, докладывал:

– Если бы не парнишка, товарищ полковник, дерево, в аккурат водителю бы досталось! В последний момент отвернул! А так – по касательной. Он ей практически жизнь спас!

Подвигал глазами. В голове отозвалось болью. Впереди, справа, очень близко к капоту торчало дерево.

– Так. Потихонечку пальцы разжимай! – продолжал, между тем, доктор. Получилось не сразу. Потом меня аккуратно вытащили. И я увидел кучу народу вокруг. Машину скорой помощи какую-то старинную. То ли ЗИС, то ли ГАЗ. В которой на переднем сиденье в истерике билась девчонка лет 14-15 – водитель – вокруг нее все суетились. Милиционера (!) в фуражке и форме из старого фильма, который, вытянувшись, стоял перед человеком в полковничьих погонах... и лицом моего прадедушки Миши, с которым я недавно мыс-

ленно попрощался. Только намного моложе!!! Я сильно ударился головой? У меня галлюцинации?

Вытаскивали меня, оказывается, из 21-й «Волги». Э-э-э-э. Вроде, самолет же был? Или ГАЗ-24?

Полковник с прадедушкиным лицом наклонился ко мне:

– Ты кто?

– А ты?

Видимо, мысль о последствиях удара головой пришла в голову не только мне. И она была здравой. Сначала нас всех (меня, девчонку и полковника) забрали в больницу на обследование. Там я правдоподобно изобразил потерю памяти. Не рассказывать же правду! А то и до психушки недалеко. Тем более, память, действительно, невнятная какая-то.

Потом там появилась мама девчонки – водителя. Она мне тоже кого-то смутно напомнила. Но я ее так увидел, мельком. А потом они трое домой уехали. А я остался. Себя вспоминать.

Ночью я не спал. Пытался думать. Интересно, срослось, все-таки, у моих родителей? Наверное, раз я еще существую. Анализировать, куда я попал, пока не имело смысла, но это был явно не мой 202... год. Хотя, лежал я в ЦГБ (центральная городская больница № 1), узнаваемой, но, какой-то не такой... Она, правда, старая-старая больница, но не настолько же! Стены темные – серо-зеленые. Халаты у врачей – на завязках сзади. Маски, сшитые из марли, не одноразовые. Одежду у меня отобрали, выдали какую-то пижаму страш-

ную. Правда, не такой культурный шок со мной случился от путешествия во времени, как в первый раз, но... Телефон! Где мой телефон?

Под утро, видимо, я все же тревожно забылся, потому что, когда открыл глаза, в окошко вовсю светило солнышко. Голова почти не болела. И ко мне пришел посетитель.

– Ну, здравствуй, боец – полковник с лицом молодого прадедушки присел на стул рядом с кроватью: – Вспомнил, кто ты?

– Здравствуй – ответил я, и задал ключевой вопрос: – Какой сегодня год?

Мой посетитель, как будто, не сильно удивился:

– 1957 с утра был.

Я не смог сдержать тяжелого вздоха. Помолчали. Будто разведчики: каждый ждет, кто первым скажет пароль, но ни один, ни другой не уверен, друг перед ним, или враг.

Полковник вдруг полез в карман и достал... мой телефон!

– Твое?

Я не смог сдержать радости, и от него это не укрылось:

– В машине нашли.

– Как Вас зовут? – напрямую спросил я.

Посетитель слегка улыбнулся краешком рта, и отрапортовал:

– Морозов Михаил Саввич! – только каблуками не щелкнул.

– Очень приятно, – я протянул руку для знакомства, – Де-

нис Александрович Лавров, твой правнук. 2... года рождения...

15.

То есть, я получил возможность сказать прадеду спасибо. Правда, за то, что он еще не сделал. Снова пошли в ход фотографии для «Бессмертного полка». Я рассказал все, абсолютно. Включая последние события 1989 года.

– Ну что, веришь, что я не японский шпион?

Прадед подержался за подбородок.

– Ну, такое нарочно не придумаешь, наверное. Да и сейчас не тридцать седьмой год. Ты или большой фантазер, или большой артист. Лизка говорит, что, наверное, ты заранее в машине прятался, угнать хотел... Так говоришь, Володьке Лаврову моя Лизка достанется? Да, не повезло...

Про кого это он? – А, про деда Вову! То есть, все-таки, мне верят? А Лизка... баба Лиза, Елизавета Михайловна... моя бабушка?

– Так это она в машине за рулем была?!

– Ну да. И ты ей жизнь спас!

Без комментариев.

– А сама она как в машину за руль попала?

– Ну, это уже другой вопрос. Но правильный.

Больше прадедущка Миша мне ничего объяснять не стал. Сказал, чтобы готовился к выписке завтра. И куда ж мне выписываться, интересно?

– У нас поживешь, – объявил прадед. Ну, и в качестве

кого?

– На службу тебя оформлю. При мне будешь. Он что, мои мысли читает?

– Прическа у тебя подходящая, армейская (ну да, я коротко стригусь, почти налысо), и машину водить умеешь. Будешь меня на работу возить.

– ???

– Отставить вопросы! Будем их решать по порядку!

Ну что же он все время про армию? Настоящий военный!

Перед выпиской меня навестил добрый доктор из скорой помощи. Точнее, он, оказывается, фельдшер, по правильно-му. Просто так, узнать, как у меня дела. Кого-то он мне смутно напомнил... И, кстати, поскольку с прадедом Мишей я определился, вспомнил, где я видел маму моей бабушки Лизы. На памятнике, на кладбище. Прабабушка Маруся. Она умерла еще до моего рождения.

Домой меня забрал прадед. Сам. Привез мне форму солдатскую. На трамвайчике поехали. Еще более старом и прикольном, чем в 1989. Машину, наверное, еще не починили. Прадедущка Миша, прабабушка Маня с бабушкой Лизой, а также мамой и папой прадедущки Миши жили в частном доме на 20-й линии. Круто! Я еще и с прапрародителями познакомился! С прапрабабой Шурой и прапрадедом Саввой.

Дом был большой. Ну, в смысле много комнат. Мне выделили маленькую узенькую комнатку с маленькой узенькой кроватью и одним маленьким темным окном не на улицу, а

на веранду. Она и располагалась сразу за верандой. Между ней и остальными. Одна комната на меня одного!

Никогда не жил в частном доме. Правда, Лизка тут же выпендрилась: показала мне язык и сообщила, что скоро они с папой и мамой будут жить отдельно, в многоэтажном пятиэтажном доме – его уже строят. А мне казалось, что в частном круто! Попробуем...

Да, Лизка, а не бабушка Лиза, потому что ей сейчас 16 лет. Младше меня! Мелкая, поэтому я и подумал сначала, что ей меньше. И вообще, я в возрасте девчонок не очень разбираюсь. Может быть, здесь я пойму, почему она такая вредная выросла?

16.

Спал я хорошо. За ужином меня никто не обижал. Утром никто рано не разбудил. Думаю, дед Миша просто всех «построил» за то, что я Лизке жизнь спас, и напомнил, что я слегка после аварии, и меня пока трогать нельзя. Поэтому, когда я проснулся, позавтракал (прапрабабушка Шура накормила) и вышел во двор, оказалось, что мы с ней в доме одни. Все в школе или на работе, или еще где. Ну, и некому меня трогать.

Я прошелся по двору. Обнаружил гараж, небольшой курятник с пятью курами, сарайчики всякие. Прапрабаба Шура меня особо общением не баловала. Она была все время чем-то занята. В общем, даже скучно. Но я не расстроился.

Скоро пришла из школы Лизка. Такая, вся из себя, в школьной форме – фартучек, воротничок! Деловая колбаса. Вот кому было скучно! Баба Шура накормила нас обедом, и после этого мне вынесли мозг глупыми разговорами абсолютно про все на свете и даже без переходов: про новое платье и туфли, про соседских девчонок, про новый фильм «Девушка без адреса», про то, есть ли у меня невеста, и про то, умею ли я целоваться. Неисправимая. Что в старости, что в детстве. Одно на уме! И еще, она спросила, конечно, откуда я в машине взялся. А что ей ответить? Правду? Лучшая защита – нападение и правильные вопросы:

– А ты в ней, откуда взялась? Насколько я знаю, права с 18 лет выдают! Ты водить-то умеешь? И вообще, тебе уроки делать не надо? – не выдержал я. Как я этот вопрос про уроки ненавидел, когда сам в школе учился!

– Сам дурак! – Лизка обиделась, фыркнула, надула губки и ушла в дом. А я остался во дворе.

Вот как она так умеет, а? Вывести человека из внутреннего равновесия. Ну ладно, она машину без спроса взяла. Но, может, если бы я в ней так неожиданно не появился, она бы тогда и в аварию не попала? Или попала бы, потому что водить не умеет? – Не умеет, я-то знаю! Так и не научилась. Вот и не знаешь, то ли не виноват, то ли, правда, виноват! И все-таки, почему я не в свое время вернулся, а сюда, да еще в машину из самолета! Это тоже правильный вопрос. Но вопрос без ответа.

Вскоре открылась калитка, и во дворе появился светловолосый паренек, чуть старше и чуть ниже меня, и просто протянул мне руку для знакомства:

– Владимир. А ты Денис? – Дед Вова! Офигеть! Ну, похож. Только маленький.

– А откуда ты про меня знаешь?

– Михаил Саввич рассказал.

Интересно, и что же он рассказал? И что могу рассказать я? И вообще. «Теперь мы разведчики»¹¹. Но, слава богу, дед

---

¹¹ Строчка из песни «Молчим и курим» любимой маминой группы «Ундервуд» (прим. Дэна)

Вова никогда не был многословен, ни, когда был мне дедом, ни в молодости. Он не стал задавать вопросов, не стал мне ничего объяснять, а просто пошел к гаражу. Ключи у него, оказывается, были. А он еще даже не прадеда Миши зять! И, в свете предыдущих событий, когда моя мама не за папой замужем оказалась, я уже ни в чем не уверен!

Тут вообще, если не быть эгоистом, то лучше бы деду Вове на Лизке и не жениться – может, дольше проживет. Он еще не знает, что ему придется тащить на себе все – уборку квартиры, готовку, детей, дачу и кафедру. А Лизка будет только стирать в стиральной машине и командовать. И попрекать тем, что его на улице подобрали и осчастливили. (При этом я сам присутствовал, когда вместе с ними на море был. Даже по губам получил за то, что за дедушку вступился. Это мама еще не знает. Она бы тогда никогда больше меня с бабушкой на море не отпустила). И, может быть, у него было бы больше шансов дольше прожить после третьей операции, если бы бабушка за ним ухаживала, а не истерики ему закатывала (а это я случайно подслушал, когда папа маме тихонько жаловался. Он пришел деду Вове уколы делать, и эту истерику услышал. Глупенькие, думали я не знаю, как бабушка истерики умеет закатывать.)

Но тогда не родится мой папа? И не рожусь я? Этот дурацкий временной парадокс! Не зря про него во всех фантастических историях про путешественников времени упоминают. А тут жизнь!

Я почувствовал, что у меня опять начинает болеть голова. Поэтому я поскорее заглянул в гараж, чтобы отвлечься. Там стояла уже знакомая мне 21-я «Волга». Ну, целая фактически. Она ж железная!

Откуда-то снизу дед Вова попросил инструмент. Так это он ее починяет? Ух ты! И мне интересно! Впрочем, с ним, с дедом, всегда не скучно. Может быть, здесь научусь хоть что-то руками делать?

Мы так увлеклись, что я не заметил, как пришел с работы прадедушка Миша. Он заглянул в ворота, увидел нас, перемазанных, и обрадовался:

– Уже познакомились?

Мы подняли головы, и одинаковым движением вытерли носы, добавив разводов на лице.

– Умываться и ужинать! – скомандовал прадед. Настоящий военный.

17.

За ужином я снова узнал, что дед Вова – сын очень хорошего друга прадедушки Миши, фактически лучшего, тоже летчика, который погиб на войне. И знают они друг друга давно.

Слава богу, спиртного за ужином не было. Потому что прабабушка Маня хлопнула потянувшегося было в буфет за графином прадеда Мишу по затылку: «Еще чего, детей спивать! А у одного еще и сотрясение мозга!» И он послушался. Но права же, правда!

А еще дед Вова такой молодой, а уже в технике – асс! Я даже не выдержал, еще, когда в гараже вместе машину делали, спросил, откуда он так хорошо в ней разбирается? И он мне рассказал (как всегда, в двух словах), что его с детства техника интересует. Еще когда война была, они рядом с аэродромом жили, и как только наши пригоняли трофейный немецкий самолет, они с пацанами, вооружившись отвертками, бросались на него, и свинчивали, все что успевали свинтить. Как рано они выросли-то все, кто застал войну!

После ужина мы пошли в гараж уже втроем – я, дед Вова и прадед Миша. И прадед Миша заново представил нас друг другу:

– Ну, парни, знакомьтесь – Денис, первый путешественник во времени. Владимир, изобретатель машины времени!

Челюсть у меня мысленно отвисла, но, почему-то я не был удивлен. Дед Вова – всегда умка!

И ничего он не молчаливый. Как только узнал, что я оттуда (из будущего), засыпал меня вопросами. Но не о своем будущем, а о технике, конечно. Опять же, мой телефон помог (где ж его здесь зарядить? – Ничего – молодой дед Вова что-нибудь придумает!)

– А мы тут скоро спутник запустим¹²! – чтобы я не зазнавался достижениями техники будущего, похвастался он.

– В точку! Еще и в космос скоро полетим!¹³ – поддержал его я.

Засыпая на своей узенькой кровати, переполненный эмоциями, я констатировал, что прадед Миша, которого я в настоящем почти не застал – мой старый знакомый. Хоть и молодой. И в 1989 году, я с ним, можно сказать, только познакомился, а в 1957 он меня вроде уже почти как знал. Вот прикольно-то! И хоть и достала вся эта путаница во времени и, конечно же, я очень хочу домой, но уже даже как-то интересно.

---

¹² 1 ноября 1957 года

¹³ 12 апреля 1961 года

18.

На этот раз я проснулся с петухами. Вчера я петуха не слышал. Реально, петух! В городе. Во дворе. Наверное, голова стала приходить в себя, или я со вчера выспался. Молодой здоровый организм.

Когда умывался, обнаружил у рукомойника знакомый предмет – старинную бутылку с зеленой резиновой грушей – одеколон прадедушки Миши. Сейчас эта конструкция на даче валяется. Тоже возле рукомойника. Только там пустая, брошенная. А тут полная, рабочая. Я даже пшикнулся разок. Ничего так, запах.

Прапрадедушка Савва тоже уже проснулся. Оказывается, до работы он ходил на рынок, чтобы свежего молочка купить. Внушеньке, детям. Я напросился с ним вместе. Интересно было увидеть свой город, когда он был моложе... Интересно было пообщаться с прапрадедом, о котором я даже разговоров не застал. Слышал, что он был большой, и что я, наверное, в него. Вот, теперь увидел. Большой и заботливый. Мы с ним на рынке напробовались домашнего копченого сала (хотя я его и не люблю, но оно здесь такое прикольное!), молока, вкусной колбаски, квашеной капусты, и я понял, что наелся. Вот и позавтракали. Деда Савва (ну, пусть хоть иногда будет просто деда! А то замучаешься с этими прапра...) домой пошел, остальных кормить – и на работу. А я отпра-

вился по городу погулять. Все равно до обеда дома только прапрабабушка Шура. А мне никаких ценных указаний не поступало.

Город был какой-то новый. Его недавно только после войны восстановили. И еще до сих пор восстанавливают. Вон, театр с еще выбитыми окнами стоит. Мне дед, который мне как младший брат, рассказывал, что он студентом Театральную площадь помогал восстанавливать. Тоже здесь, наверное, молодой, красивый, в институт ходит.

Я прошелся до самого Дона. Побродил по набережной, послушал гудки катеров и буксиров. Порадовался, как родным, старым кнехтам¹⁴, которые, я знаю, еще до революции были. И сейчас есть. И потом будут. Хорошо, хоть что-то остается неизменным! А вот чугунная решетка над водой была новая. Без дырок. И деревья были еще небольшие. Чего-то еще не хватало. Мост! Еще нет Ворошиловского моста!

С утра на реке было свежо. Рыбакам это не мешало. Рыбаков было много. С берега казалось, будто по воде кто-то рассыпал черные половинки шелухи от семечек и посадил в них малюсеньких бумажных человечков с палочками. И вдоль целой решетки рос, прямо лес из удочек. Пахло рекой и рыбой.

– Привет, парень! Как дела?

Неожиданно. Кто меня может здесь знать? Да это ж мой знакомый фельдшер из больницы! Я с большим удовольстви-

---

¹⁴ кнехт – тумба, служащая для крепления швартовых тросов

ем пожал протянутую мне руку. Все-таки, какой приятный добрый человек! И, как будто, я знаю его дольше, чем с момента выковыривания меня из машины.

– А у меня выходной сегодня. Вот, рыбачу. Ты рыбалку уважаешь?

Я хотел признаться, что не фанат, но не успел. У него заклевало, я не стал мешать, и попрощался.

– Будь здоров! – махнул рукой добрый человек. И я пошел от Дона вверх, домой. Чтобы меня не потеряли.

Но меня, конечно, потеряли. Лизка наябедничала прадеду Мише, что меня не было с завтрака до обеда, и я получил «втык» за то, что один шлялся по городу в форме. А вдруг патруль? А я без документов! Кто я, где я? В самоволке?

– Деда, ну скучно без дела дома сидеть! Все только днем появляются! И у меня куча вопросов к вам с дедом Вовой!

Прадед Миша почесал затылок: – Ладно, думаю, ты оклемался, завтра на работу со мной пойдешь. Возить меня будешь!

Час от часу не легче! Права-то у меня есть, но я же не ездил, практически!

Но все оказалось не так страшно, как я думал. Во-первых, вести надо было ту же самую «Волгу». А что мы тогда в ней починаем?

Во-вторых, движение в 1957 году было не настолько интенсивным, как в моем 202... И правила соблюдались. Я, конечно, все равно вцепился в руль и не отводил глаз от доро-

ги, но в целом, справился. Правда, из-за того, что я был сосредоточен, не успел задать свои вопросы. А как приехали к деду на работу, он оставил меня в машине, а сам работать, работать!

На обратном пути домой за руль прадед сел сам. Может, я его, все-таки, напугал стилем вождения, а может, ему самому было интересно собственную машину поводить, но факт есть факт. Меня вез полковник! Летчик! И вел машину, как самолет – выпустить закрылки, отпустить тормоза, убрать шасси – полетели! Я чуть не поседел, честное слово! Ага, напугал я, ежа!.. Не, лучше я сам! Я так прадеду и сказал. Теперь мне на дороге ваще не страшно!

В общем, опять не задал я ему вопросов. Хорошо, что дед Вова потом в гараж пришел.

В конце концов, он машину времени изобрел?

– Дядя Вова (ну не буду же я его в глаза дедом называть!), а скажи, как я в машине с Лизкой очутился? Я вообще-то не туда направлялся, а к себе, назад, в будущее!

– Да она не на ту кнопку нажала – вот и весь ответ!

– А что мы починяем, если машина на ходу?

– Да эту кнопку и починяем!

Ну что ж, теперь более-менее понятно! Кнопку мы починяем, ага! Я так понял, если я про принцип действия спрошу, мне как-то так же ответят?

Не, ответили! Объяснение в моей интерпретации: машина времени – это не самолет СУ-27 и не автомобиль «Вол-

га-21». А дополнительное оборудование к ним. Ну, типа блока дублирующего зажигания или антикоррозийной защиты. Или самолет с автомобилем – это дополнительное оборудование к устройству перемещения во времени? В общем, одно с другим монтируется. Не спрашивайте меня, как монтируется, зачем монтируется, и как это работает. Самолет, по моим ощущениям, вообще никуда не взлетал, и скорость в пространстве не развивал, возможно, во времени? Или в пространстве и времени? В общем, это из той области, которую и я не понял, и дед Вова внятно объяснить не смог. Домой я не попал, потому что Лизка нажала на кнопку, запустила какой-то важный процесс, временные потоки пересеклись, наложились, перемешались и запутались. И меня сюда, в это время, с дороги назад затянуло и выплюнуло. Прямо к ней на заднее сиденье. И вот теперь эта самая важная коробочка с кнопкой перестала работать. И дед Вова над ней бьется. Потоки распутывает, наверное. Пока безрезультатно.

На счет потоков, не знаю, что там распутывать, по-моему, мы распутывали провода у поврежденной фары. Может быть, это связано со скоростью света? Но фара уже работала, раз я на этой машине ездил уже. «Хорошо, что вы мне все объяснили. Плохо, что я ничего не понял!»¹⁵

Вечером, перед сном, после ужина, я все-таки прадеда подловил.

– Дед Миш, вот вы с Вовой такое глобальное открытие

---

¹⁵ Из мультфильма "Иван Царевич и Серый Волк 3"

сделали, а почему вы не в Москве? И вообще, ты такой большой человек, полковник, летчик!

– Вот и Маня все: в Москву хочу, в Москву! – проворчал дед: – Дал я в морду одному... маршалу... – начал было дед. И замолчал. В себя ушел. Я понял, что ответа мне не дожидаться.

– Ну, за дело же, наверное, дал? – осторожно продолжил тему я.

– Ну, до дела не дошло, дело не завели – задумчиво-уклончиво ответил он, и больше я от него ничего не услышал.

19.

Еще пару уроков автовождения от прадеда (да и я права не купил, а свои часы с инструктором отъездил по современному Ростову), и он стал отпускать меня в самостоятельные поездки. Точнее, я ему был нужен утром и вечером, в основном, ну, или по вызову. А днем я мог уехать на обед, или (что чаще) поступал в распоряжение прабабушки Мани. Она хоть и не работала, но электровеником носилась по дому, по двору, по городу, что-то доставала, помогала прапрабабушке Шуре, Лизке. В общем, обустроивала быт семье полковника. Поэтому в первые два дня я ее дома и не застал с утра.

Умела все! Шить, готовить, убирать, даже гвоздь вбить, а может даже, и дом построить! Машину и самолет водить не умела. Но думаю, захотела – смогла бы! Так что с прабабушкой Маней я быстро с городом освоился. Но вот в кого Лизка такая белоручка?

В принципе, если ее просили что-то сделать, она бралась, но лучше бы не бралась – выходило только хуже. Мама Маня ее ругалась – вот неумеха, ничего поручить нельзя! А бабушка Шура тут же вступалась – ничего, подрастет – научится! (Ничему она не научилась, к сожалению. Научилась на других все технично переключивать.)

Правда, если быть до конца честным, в детстве ее проще терпеть было. Она же младше, если что, ей теоретиче-

ски и подзатыльник можно было бы дать! Как младшей сестре. Не то, что в старости. От этой мысли становилось как-то легче. Теоретически. Ха, попробовал бы я! Меня бы тут же прапрабабушка Шура и прабабушка Маня похоронили бы! А прадедушка Миша добавил бы. Да, наверное, и дед Вова бы вступился. Она же девочка! Да и я джентльмен, понимаю, что женщин бить – это не по-мужски. Но руки почесывались. Чисто в воспитательных целях, для профилактики. За то, например, что я ее пальцем не трогал, может, ответил пару раз не так, как ей хотелось бы, а она орать начинала, что я ее бью. Хорошо, что, в первый раз, баба Маня в окно видела, что я не при чем, а второй раз – дядя Вова из гаража. Не прокатило. В общем, бабушка моя Елизавета, всегда вела себя как вредная младшая сестра. Хоть в 16 лет, хоть в 40, хоть в 70. Но в 16, в силу ее возраста, многое прощаешь. Кстати, а ее как-нибудь наказали за то, что она машину угнала? Что-то сомневаюсь... Любили, наверное

Лизку, я, кстати, часто теперь вместе с мамой возил – то к портнихе на примерку, то к репетитору, то в музыкальную школу. Да, да! Моя бабушка Лиза умела играть на пианино! Я об этом знал – пианино у нее в доме стояло (то самое, которое на нас с папой в 1989 году нападало). И она рассказывала, что оно очень крутое – немецкое! (ей папа Миша и мама Маня достали где-то). Но я ни разу не слышал, как она играет. Убедился – училась! А тут еще летом Фестиваль молодежи и студентов в Москве прошел. И по стране покати-

ся. Скоро сюда должен был докатиться. И поэтому музицировать было очень популярно. Я даже случайно узнал, что прадед Миша играет на трубе! Раньше не знал. Я его на репетицию возил. В дом офицеров. Только, я так понял, женщины его в этом начинании не очень поддерживали, он только один раз при мне на репетицию съездил. А я послушал – мне понравилось. И, поскольку труба – не мой инструмент, так даже прадедом возгордился в душе. Как музыкант музыкантом.

Прабабушка Маня относилась ко мне, как к Лизке. Следила, чтобы я всегда вовремя покушал, например. Заботилась. Ни разу не попрекнула, что прадедушкин шофер с ними в одном доме живет. Не думаю, что ей прадед Миша рассказал, что я ее правнук, наверное, она просто такой добрый человек. Или за спасение Лизки (официальная версия) благодарна была. Или люди в пятьдесят седьмом году все к детям так относились, не знаю. Вон, и фельдшер из скорой помощи, как к родному, ко мне. Ну, в смысле, я уже не ребенок, но для прадедушки и прабабушки, у которых дочке 16, ребенок, конечно. Молоденький солдатик, папа, мама далеко, подкормить и поддержать надо.

Лизка ко мне относилась по-всякому. То высокомерно – ты шофер, а я дочь полковника! То делилась со мной своими девчачьими глупостями. У Лильки, ее подружки, новые туфли. А у нее нет. Но платье Лилькино новое – совсем не новое – его из старого бабушкиного перешили. А ей, Лизке,

ко дню рождения новое сошьют, из отреза. Который мама на рынке достала. Вовка приглашает ее в кино – в кинотеатр «Спартак», который не так давно открылся. Но, она, скорее всего, не пойдет – за ней многие мальчишки ухаживают. Или пойдет. Делилась, даже если я не хотел слушать. Ну что я, девчонка, что ли? Почему мне это должно быть интересно? Но, кто меня спрашивал?

Прадедушка Миша относился ко мне как к внуку, но без сюсюканья, как к товарищу, как к мужчине скорее. Это было очень здорово. Не знаю, чего ему это стоило, но он выправил мне соответствующие документы (я же, не мог, например, без прав ездить?). Благодаря обширной географии перемещения прабабушки, я узнал город гораздо лучше из окна автомобиля. Но теперь я мог и пешком погулять безболезненно выйти.

Мне очень понравился мой родной город в это не мое время. Он был моложе, что ли. Деревья еще не высокие, но их гораздо больше. Многие здания не так давно отстроили после войны, и они выглядели совсем новенькими. В том числе и старинные, дореволюционные. В моем времени несколько культурных памятников стоят за нарисованными баннерами, а за баннерами – развалины. Жалко...

Мне полюбилась Театральная площадь. Театр еще не полностью восстановили, а фонтан работал, и в парке было приятно. И еще, мне показалось, что в городе очень много детей. Гораздо больше, чем в мое время. Любопытных мальчишек,

мам с колясками, девчонок с косичками.

Я заметил, что почему-то нравлюсь маленьким девочкам и стареньким бабушкам. И там, на Театральной площади, возле фонтана, одна кудрявая малышка даже угостила меня мороженым. Просто так! Я его брать не хотел, но она сунула его мне, застеснялась, и убежала к маме. Я пошел за ней, чтобы отдать – ее мама сидела на лавочке рядом с другой дочкой, постарше – лет десяти, мелкая была совсем малАя. Оказывается, там и папа их присутствовал – мой старый знакомый фельдшер скорой помощи. Наверное, жили недалеко. Он меня, как старого знакомого поприветствовал, и попросил сфотографировать их всех вместе. И фотоаппарат свой протянул, «Лейку». Видел я уже где-то этот фотоаппарат.

И вдруг меня осенило. Я же их всех уже видел! На фотографии. Именно на этом самом месте, на этой лавочке. Маленькая кудряшка – моя средняя двоюродная бабуля, десятилетняя – моя родная бабуля, а их мама – моя вторая прабабушка. А папа – мой родной прадед! Который тоже из бессмертного полка, которого я не застал вообще. Где я раньше был? Почему сразу не понял? А – контуженый! Так он что, тоже чувствовал, что я ему родня? Или здесь все такие классные? Так это я же их еще и сфотографировал, оказывается?!

А фотоаппарат я в своем детстве видел. Он на старой ламповой радиоле «Дружба» всегда лежал, под прабабушкиным и прадедушкиным портретами в молодости. В старой кир-

пичной «Хрущевке» на Западном. Которую здесь еще не построили. Кстати, меня даже в гости пригласили. Пока еще на 6-ю линию. Просто так. Может быть, даже схожу.

Прапрадед Савва ко мне просто ровно относился. Мы с ним редко виделись, он на работе был в основном, а приходил – рано спать ложился. И вообще, он молчун больше. Медведь такой. Но мне с ним на рынок рано утром ходить очень понравилось.

Ну и прапрабаба Шура, в общем-то, так же. Хотя, она, в основном, все время дома была, теперь я редко в нем находился. А какие у нее котлетки получались! Малюсенькие, а вкусные! Она Лизку очень любила. И баловала. Немножко с прабабушкой Маней искрила по этому поводу, как мне показалось. Но это знакомо мне. Мы с моими родителями тоже с маминными родителями живем. Практически с моего рождения. Бабушки внуков балуют, а мамы и папы воспитывать пытаются. И искрят по этому поводу. Я это только здесь понял, когда со стороны увидел.

Сентиментальный я стал какой-то. Добрый, расслабленный. Прижился в пятьдесят седьмом году. Уютно мне там было. Если только не знать, что в будущем, наверняка, все волнуются. И что неправильно все-таки как-то выдавать себя не за себя, хоть и за себя.

Что еще интересно, для меня время шло по правильному. На дачу в своем году я поехал осенью, в сентябре. В институт в восемьдесят девятом ходил тоже осенью, почти месяц, сен-

тябрь в октябрь перешел, и в пятьдесят седьмом году осень продолжается – конец октября уже. То есть даты и месяцы идут линейно, только года наоборот. И прохладней стало. В мое время в конце октября бывает, что и жарко бывает. А сейчас прохладно.

Вечером дед Вова и я – в гараже. Гараж! Особое место для мужчин. Оба моих деда в гараж в галстук ходили, это я помню. И сейчас дед Вова в нем приходит. В узеньком таком, стилижном. Наверное, на Лизку хочет впечатление произвести, раз в кино приглашал. Хотя ей верить нельзя – ни сейчас, ни потом. Он же старше – зачем ему малолетка? Может, дядя Вова, по жизни, такой интеллигент.

Только что-то никак мы с ним пока временные потоки распутать не можем. У меня даже начало подозрение закрадываться, что дед Вова не сам закон временного перемещения открыл, а набрел на него методом «научного тыка». И на этот «тык» мы опять и рассчитываем.

20.

Сегодня с утра пригрело солнышко, и баба Шура постирала подушки. Я даже не знал, что так можно. Висят на веревке отдельно наволочки, точнее не совсем наволочки – наперники – мешочки такие, в которые содержимое подушки запихивают и зашивают. А рядом в марле – то самое содержимое – постиранное перо и пух. Надо же! То-то мне тут хорошо спится, удобно!

В кухне радио играет. Сегодня выходной, ехать никуда не надо вроде бы. Скоро дед Вова придет, будем опять над временной проблемой биться.

Лизка в последнее время активизировалась. Мы в гараж – она за нами. Вертится под ногами, а если начинаем ее деликатно спрашивать, прячется и подслушивает, и подсматривает. Думает, мы не замечаем. Это существенно замедляло работу. Любопытство, конечно, не самое худшее качество. Лишь бы на пользу. Вот я тоже из любопытства в самолет полез и кнопочки понажимал.

Если моя миссия – узнать, почему баба Лиза такая вредная выросла, и почему, она считает, что прадед Миша ей всю жизнь испортил, то тут я ничего не могу сказать, не понимаю!!! Все ее любят, балуют, и бабушки с дедушками, и мама с папой, и Вовка – верный друг. И даже я немножко. Может, как раз, поэтому? Но должен же у человека свой мозг рабо-

тать, хоть немножечко? Даже в 16 лет? Или уже в 16 лет?

Вот сегодня, как только мы в гараже уединились, она тут как тут. Крутилась, крутилась, попой вертела, вертела, то в капот заглянет, то деду Вова под руку подлезет, то мне какой-то глупый провокационный вопрос задаст. То прижмется ко мне невзначай. И вдруг меня осенило, она ж нам глазки строит обоим! И смотрит, кто из нас как отреагирует – подеремся или нет? Ну нет у меня такого большого опыта, чтоб сразу догадаться! А-а-а-а-а!!! Она же мне бабушка!!! Я мигом выскочил из гаража просмеяться. Это у меня реакция такая на ситуацию. Ой, как я уже сильно в мое время домой хочу! Без всяких миссий и обязательств.

Когда я вернулся в гараж, Лизки уже не было. Неинтересно, наверное, стало. Да, с ней не соскучишься.

– Ты чего? – даже невозмутимый дед Вова удивился. Интересно, а он понял, что мы типа соперниками должны быть?

– Да ничего, – говорю – смешинка в рот попала.

Сегодня мы дошли до того, что в отсутствие длительного сильного вмешательства Лизоньки, коробочку перемещения с кнопкой обратно к машине на место прикрутили. Из чего я сделал вывод, что дед Вова все-таки понимает, что делает. Только она все равно пока по назначению не работает.

21.

Если объективно, были в Лизке и положительные качества, например, трусихой ее не назовешь – скорее смелой до безрассудства. Она честно признавалась, что борется за справедливость. «Строптивно-справедливая», как она сама себя называла. И, в общем-то, с этим не поспоришь. В основном, она правое дело защищала. Но никогда не думала о последствиях. Поэтому выходило как-то криво. Ну, как все у нее. Например, я был свидетелем, когда белым днем к ее подружке какой-то хулиган-ухажер подкатил. Так Лизка на него с кулаками кинулась. Хорошо, что хулиган трусливый попался. Или вовремя заметил, что я из-за руля выскочил, на подмогу кинулся. Факт: она гналась за ним два квартала! А если б догнала? Один на один здоровый бугай и шестнадцатилетняя девчонка! Но иногда (да что там иногда – слишком часто!) она вела себя, как сказали бы в восемьдесят девятом году, как «мажорка»¹⁶. И не хочу говорить, как в моем бы сказали.

Еще она очень любила животных. Всех подкармливала. Всех ей было жалко. Если кто-то на ее глазах обижал кошечек или собачек – убить была готова! Тут я вообще «на все сто» с ней солидарен.

---

¹⁶ Песня гр. «Машина времени» «Мальчишки-мажоры». Только тут девочки (прим. Дэна)

А сегодня вечером я повез Лизку и деда Вову в цирк. Все-таки, дед Вова ее пригласил – я присутствовал. Как же он билеты достал? – Не иначе дед Миша помог! (а может и сам Вова, он такой самостоятельный, мог всю ночь в кассе в очереди простоять). Дело в том, что цирк, который я знаю, и в который в детстве ходил, оказывается, в 1957 году только построили! И на первые гастроли приехал Эмиль Кио (знакомая фамилия). Аншлаг!!! И она, конечно, в этом случае, отказаться не смогла. Интересно же! В общем, я не в курсе подробностей, главное, что меня, с ними на машине отправили, потому что возвращаться предстояло по темноте.

На представлении я не присутствовал, наверное, и два билета тяжело было купить. Как персональный водитель, все это время просидел в машине, наблюдал за людьми. Когда б еще? Но не поверите – интересно! Если в телефоне приходится энергию экономить, то настоящая жизнь, оказывается – прекрасная развлекуха!

Лизка вышла такая важная. Захотелось ей после представления с Вовкой пешком пройтись, как взрослой. И вообще, она ж наряжалась: платьице, пальтишко, кавалер! А я, значит, должен был за ними ехать.

Может она думала, что так мне за мой смех в гараже мстит, типа унижает – ты просто шофер, а я дочь полковника! Или я опять приревновать должен был – не знаю. Но мне-то что. Ехать, так ехать. Но она и на этом не успокоилась. На центральных улицах идти с кавалером, когда за тобой едет

предназначенная для тебя же машина, было престижно. А свернув с проспектов на линии, Лизка решила, что им нужно от меня сбежать. В темные улицы и переулки. Чтобы мне потом попало, что ли? Или просто уединится? А Вовка – дурачок, наверное, правда, влюбленный, повелся.

Ну и ничем хорошим это, конечно, не закончилось. Я на пять минут всего замешкался, пока ориентировался, как вдруг услышал впереди Лизкин визг. Фары высветили трех человек, пинающих лежащего на асфальте Вовку, и голосащую рядом Лизку, которой кто-то руки выкручивал. То ли шпана (кто ж еще?!) света от машины испугалась, то ли двое, я и дед Вова – это больше чем один дед Вова, (тем более, я намного больше деда Вовы, и в форме), не знаю, но рванули они в рассыпную резво. Оставив деда Вову лежать, где лежал, а Лизку истерить. Перво-наперво, я кинулся к неподвижному юному деду. Он зажимал рукой окровавленный бок и терял сознание.

– Что! Что это было? – не выдержал и рывкнул на Лизку я.

– А я... а они... – она только всхлипывала – ясно – ответа при «разборе полетов», как всегда, не дожидаться.

– Курить попросили, – выдавил угасающий дед Вова, – она ответила, – а я вступился... – и потух!

Тут меня прорвало, и я накинулся на Лизку:

– Ну что ты за человек? Ну будешь ты когда-нибудь думать о том, что ты делаешь? Это же отец твоих будущих детей, и дед твоих будущих внуков! Который тебя, действи-

тельно, любит! Любовь твоя единственная! А ты все на корню погубила! Ты все только портишь! Ты никого не любишь, кроме себя! Кто тебя еще замуж возьмет с таким характером? Дочь полковника! Дура ты, а не дочь полковника!

Лизка сменила тембр, взвыла, и полезла на меня с кулаками. Я не удержался и таки отвесил ей под... нет – шлепнул по попе рукой. Легонько, но звонко и чувствительно (сильно – убил бы, не знаю, как сдержался, рука у меня тяжелая).

И как я потом казнил себя за это! Лизка взвыла совсем уж ультразвуком, кинулась в машину за руль, утопила газ, и ... растворилась вместе с машиной!.. Не в темноте, не в конце улицы. А прямо у меня на глазах, не двинувшись с места! Наверное, на кнопку нажала...

22.

Что я натворил? Я погубил фактически все! Я, а не бабушка! А-а-а-а! Дед Вова умирает, бабушка во времени потерялась! Отец не родится. И так далее. Все, приплыли.

Не знаю, что подумали люди близлежащих домов, услышав нечеловеческий рев. Вой. Мой. (Достойный внук бабушки.) Но мне чуть прочистило мозги. Дед рядом. Может, его еще можно спасти? Google-а нет мне в помощь! Наверное, надо кровь как-то заткнуть, чтоб не текла. И в больницу? Ох, не понимаю я ничего в медицине! Случайно взгляд выхватил номер и улицу на углу дома. Быть не может! Ну не бывает таких совпадений! Меня же именно сюда в гости приглашали! Дед, пожалуйста, не умирай! Может, еще не все потеряно! И, в конце концов, ты же машину времени изобрел! Мы с тобой и бабушку найдем! Только живи, пожалуйста! Сейчас нам помогут!

Когда я с дедом Вовой на руках появился во дворе второго своего прадеда (фельдшера), нас, конечно, не выгнали. Василий Федорович моего второго прадеда звали. Деду Во-ве кровь остановили, перевязку сделали. Скорую вызвали. И в больницу отправили. Деда Вову, меня и Василия Федоровича.

Что я прадедусшке Мише скажу?!

В гостях я пробыл недолго, и по делу. Старшая дочка пра-

дедушки Васи – моя бабуля Вера родная, валерьянки мне принесла. И от одного звука ее голоса спокойней стало. А ей всего 10 лет! Прабабушка Тося погладила меня по голове и перекрестила. Средняя бабушка, Надя, подбежала, и за ноги (куда достала) обняла меня на прощанье. И мы с прадедушкой Васей и дедом Вовой в больницу поехали.

Оказалось, дед Вова будет жить. Гора с плеч. Подрезали его неглубоко. Пиджак на вате спас. Крови немного потерял. Фууух. Восстановимо

Я не трус, но я боюсь. И я боюсь, но надо. Надо идти сдаваться. Как? Как я прадедушке Мише и прабабушке Мане скажу, что Лизка из-за меня в путешествие во времени отправилась? И куда? В какое время? И как скоро мы ее найдем и вернем теперь? Когда дед Вова поправится, и новую машину изобретет? Тоже вопросы все без ответа.

Когда уехала милиция (куда ж без нее, ножевая рана!), и мама деда Вовы приехала и села рядом с сыном, мы с прадедом Мишей вышли в предрассветный больничный двор поговорить.

Какие чудесные люди мои предки! Прадед Вася, маленький, сухонький, спас и деда Вову, и этим – меня. Настоящий врач с большой буквы. Человек настоящий с большим сердцем.

Прадед Миша – настоящий военный – я ему все, как на духу, а он не убил даже, а сначала все организационные проблемы порешал – с медициной, с милицией. И со мной. Фрон-

товики оба. Особые люди. И здесь, и сейчас, как никогда, понятно, что это означает.

– Что я, дочь свою не знаю? – закуривая, вздохнул прадедушка. – Как на вулкане живу. Не знаю, когда извержение начнется. Ты ее, считай, дважды спас, хоть и ориентироваться пришлось быстро. А тут еще Вовка со своим изобретением. К матери она хоть как-то прислушивается, не хамит хотя бы. А из меня веревки вьет. А, – в сердцах махнул он рукой, – Никто ей не указ! Эскадрильей командовал, а с дочкой справиться не могу!

– Да я же на нее руку поднял! И обидел словами. И из-за меня она теперь непонятно где!

– Да может, и нам надо было бы ей раньше, хоть раз ремня дать, если она по-другому не понимает. Балует! Она же во время войны родилась. Слабенькая была. Болела, не переставая. Я летал, мать одна тут справлялась. Тут тоже беспокойно было. Мир наступил – стремились наверстать – лечить, любить, кормить, одевать. Все для нее! Дедушки, бабушки вокруг скачут!.. Дитя ж войны. Эх!

Это был единственный крик души. Больше от дедушки я подобного не услышал. И упреков от него не услышал. Но это совсем не означало, что у меня упал камень с души. Скорее душа у меня оборвалась... и это я еще всех остальных прапра-родственников не видел! Как с этим дальше жить?

Лиза.

23.

Меня тут же ослепил яркий свет спереди. Я бросила руль и двумя ногами надавила на тормоз. И зажмурилась. Темнота. Глаза открыла – и впереди темнота. Я стою... Объехала меня встречная машина, получается?.. Ехать дальше расхотелось. Вспомнила, как в первый раз чуть не убилась об дерево. Если б тогда не этот Денис?! Гад, гад! Дурак! Как он посмел? Кто он такой? Откуда он взялся? Зачем он так сказал? И я опять заплакала.

Откуда он узнал, что больше всего на свете я боюсь, что никто не возьмет меня замуж, и никто не будет любить? Бабушка говорит, что я слаба здоровьем. А вдруг именно поэтому я никому не буду нужна? А нужна буду только потому, что у меня папа полковник? А-а-а! Меня никто не любит! И даже я.

И зачем мне все пихают в женихи этого Вовку? Потому что он сын друга отца? А меня кто спросил? Может, мне он совсем не нравится! Может быть, мне даже больше этот дурак Денис нравится. Он загадочный!.. И меня обидеть не боится, а только один правду говорит! Гад! А может, мне совсем даже никто не нравится! И даже я.

Разве что Вовка умный. И друг хороший. И меня всегда защищает. И меня всегда слушается. Прямо, как папа. Кстати, где они, Вовка и Денис этот? Ой, мамочки, Вовка, он, вообще, живой?

Я перестала плакать и выскочила из машины. Я же не успела далеко уехать? Ой, успела! Ой, мамочки!

– Мальчики, вы где?

Тишина в ответ.

Ой, мамочки! – это я уже вслух и громко. Сейчас опять расплачусь. Я побежала от машины назад. Никого. Потом побежала обратно, мимо машины, вперед. Опять никого. Ой, страшно-то как!

– Мааааа!

– Чего орешь? – мамин голос! Я обернулась, и кинулась к маме на шею. Но... это не мама! Девчонка какая-то, чуть старше меня. Ну, копия мама. Моложе только. И голос похож.

– Чего орешь, что случилось-то?

– На нас с другом шпана напала – друга ранили, а я потерялась. Мне, наверное, домой надо!

– А друг?

– Он не один, нас трое было. И я не знаю где они, может, уже в больнице ближайшей?

– Я только что оттуда. А как его зовут?

– Вовка...

Девушка задумалась:

– При мне никаких Вовок не поступало. Или госпиталь не тот. А тебя как?

– Лиза.

– А меня Маруся.

«Как маму!» – машинально отметила я.

– Так что, идем друга искать? – устало вздохнула Маруся.

Мне, конечно, за Вовку было страшно. Но в темноте идти до больницы без мальчиков, да еще и не зная до какой – еще страшнее. А вдруг опять шпана? Ну, найду я Вовку там, куда его, наверняка, уже Денис отвез. И что я там буду делать? Ой, а на чем отвез, машина ж у меня?

Я оглянулась. Машины не было. Угнали?! Батюшки, что я отцу-то скажу?!

И я опять разрыдалась. И рыдала, и рыдала, не останавливаясь, пока Маруся не подхватила меня под руку, и не потащила куда-то.

По дороге я старалась плакать потише, но, на всякий случай, не прекращала – вдруг передумает? Может, и хорошо, что она меня к себе домой повела, а не ко мне. Отец меня точно убьет. И за Вовку, и за машину. Можно, конечно попробовать все опять на Дениса свалить...

Мы подошли к знакомым воротам, к знакомому дому. Моему дому! Откуда она знает, где я живу?

Мне стало еще страшнее. Я стала вырываться и плакать громче и сильнее. Теперь уже по-настоящему, почти себя не контролируя. Вырваться мне не удалось, Маруся оказалось

на удивление, сильной. Она втащила меня во двор, туда на мой рев выскочила баба Шура. И я подавилась рыданиями, потому что баба Шура неожиданно сильно отхлестала меня по щекам. Меня? Бабушка? Отхлестала? По? Лицу? Да что ж меня колотят-то все в последнее время?!

– Ну, слава богу, успокоилась – чуть ли не хором выдохнули Маруся и баба Шура – пойдем, водички попьешь.

От удивления я прекратила истерику, и, только немного всхлипывая, послушно дала завести себя в дом. Может папа увидит, в каком я состоянии, поймет, что я раскаиваюсь, и все простит?

И только сейчас я заметила, что у Маруси большой животик. Беременная, значит.

Дэн.

24.

Родители часто поговаривали, что жаль, что прадедушка Вася и прадедушка Миша так и не успели познакомиться – прадедушка Вася умер раньше, чем мои родители поженились. Могли бы дружить...

Так вот, я это сделал. Познакомил их. В больничном коридоре. Подвел друг к другу, сцепил их руки и просто сказал: – Знакомьтесь, Михаил Саввич – это мой прадедушка Вася. Знакомьтесь, Василий Федорович, это мой прадедушка Миша. А я ваш общий правнук. Из будущего.

И все. Опустим подробности. Фронтовики. Ветераны. Один в теме. Подполковник авиации. Теперь и другой в теме. Младшим лейтенантом медицинской службы войну окончил.

– Дед Миша, ты меня прости, я к вам не вернусь. Не могу твоим женщинам в глаза смотреть! Дед Вася, помоги, пожалуйста. Можно я при больнице буду жить? Я все-все буду делать! Полы мыть, за больными ухаживать! Любую работу! К деду Вове ближе буду. Чтобы скорее выздоровел – в лепешку расшибусь!

Ну и, конечно, они меня не подвели! Прадедушка Вася

категорически забрал меня жить к себе домой.

– Везет тебе – это прадедушка Миша. – А я что своим женщинам скажу?

Лиза.

25.

Мне дали водички попить. И не усела я придумать, плакать мне дальше, или нет, как бабушка грозно так, что я не смогла не ответить, поинтересовалась, где я живу. Я поперхнулась водой, и послушно выдала адрес. То есть адрес, по которому мы все сейчас находились. Маруся и баба Шура переглянулись. Кажется, сомневаясь в моем ясном уме.

– Бабушка, ты что, меня не узнаешь?

– Как тебя зовут, деточка?

– Лиза. Елизавета, то есть. А папа дома? – Я на всякий случай приготовилась всхлипывать.

– А как твоего папу зовут? – осторожно продолжила допрос беременная Маруся. Как она мне все-таки маму напоминает!

– М-миша, – стукнула зубами о край кружки я.

– Так ты куда шла?

– Домой. С-сюда. Е-ехала.

– А откуда?

– Из цирка...

Баба Шура потрогала мой лоб.

– Не горячая, вроде. А бредит.

Маруся быстро взглянула на нее, и тихо бросила:

– Может, контуженная? – но я все услышала.

– Да нет, я хоть и резко затормозила, но головой не стукнулась! Честно! – и прижала руки к груди. Меня откровенно пугало все происходящее.

– Ба! Ну это же я, твоя любимая внучка!

– А как меня зовут?

– Ба-ба-ба Шура, – от страха я стала заикаться.

– Правильно. А папу твоего, значит, Миша?

– Ага.

– А меня как зовут? – прищурившись, спросила Маруся.

– Ну, ты ж сама сказала – Маруся! Но я тебя не знаю. Ты тоже тут живешь? Давно?

Мне не ответили.

– Деточка, а ты не из-под Таганрога идешь? Тебя не Аней зовут? – не унималась баба Шура.

Я не знала, как правильно ответить, и на всякий случай сказала:

– Н-н-не знаю. – И, наконец, снова заплакала.

– Точно, контуженая, – вздохнули моя бабушка и Маруся. – Так что, идти тебе кроме как сюда, некуда?

Я молча покачала головой, пожала плечами, и продолжила всхлипывать. Но не так интенсивно, как вначале, а то мало ли что, вдруг бабушка опять по щекам нахлестает.

– А дед Савва дома? – вдруг вспомнила я. Может, он меня вспомнит?

Но мне это не очень помогло.

– На фронте дед Савва – строго сказала баба Шура. – И папа Миша тоже. И мы все тут скоро на фронте будем, слухи ходят. И зыркнула на беременную Марусю.

На фронте? В смысле?

– А какой сейчас год?

– Сорок первый с утра был.

Я даже плакать перестала.

– Девочка ты, судя по всему, наша. Но видать, и правда, контуженная. Пока до нас добиралась, от немцев бежала, друзей теряла, немножко умом тронулась, – подытожила баба Шура. – А сейчас уже поздно. Почаевничаем, чем бог послал – и спать. Утро вечера мудренее.

От немцев? Сорок первый год? – у меня голова закружилась. Кто из нас контуженный? Что с моей бабушкой случилось? Правда, именно она всегда утверждала, что у меня нервная система не в порядке, потому что я во время войны родилась. Тут что-то еще зашевелилось в мозгах. Совсем-совсем недавнее и похожее. А, Денис! Что-то обидное, и про отца моих будущих детей. Так, то про будущее! А тут прошлое!

Мы скудно поужинали пустым чаем, непонятно из чего, и легли спать. Меня положили не в моей спальне, а в кухне. Но я уже ничему не удивлялась. Заснуть, конечно, долго не получалось. Мысли не давали. Под утро я, наверное, все-таки заснула. А проснулась от ужасного страшного звука. При-

чем, странно знакомого. Откуда-то из раннего детства. За окном было уже светло, и ужасно выло что-то механическое, железное, громкое, жуткое, то нарастая, то удаляясь.

– Быстрее, вставай, сейчас бомбить будут! – шептали мне на оба уха, и дергали с двух сторон за руки баба Шура и Маруся. Посреди кухни была откинута крышка погреба, где бабушка хранила запасы на зиму. – Скорее в погреб!

Так это, правда, война и немцы? Так это, правда, 1941 год? Тогда... Маруся – это, правда – моя мама? А у нее в животе – я?

Дэн.

26.

Прадедушка Вася оставался в больнице до вечера. И я с ним. Как и говорил, помогал, чем мог, чтоб отвлечься. А вечером, по дороге домой, мы обнаружили 21-ю «Волгу» с дополнительными опциями на том же самом месте, откуда она пропала. Без Лизки. И без комментариев. Мой организм за последнее время перенес столько потрясений, что отреагировал на это фактически никак. Столбом я просто замер и все. На пять сек. Отмерз, подошел к водительской двери, открыл ее и сел на свое место. Ключ торчал в зажигании.

– Ну вот, дедушка Вася, это и есть машина времени! – устало сказал я.

– Ну, тогда ее хозяину вернуть надо! – уверенно заявил прадедушка Вася. И он был абсолютно прав. Сел слева на пассажирское сиденье: – Поехали!

Ехать было совсем недалеко, скоро мы припарковались перед воротами дома, к которому я уже успел привыкнуть, посигналили, и, так как на сигнал никто не вышел, прадедушка Вася вызвал прадедушку Мишу на переговоры.

И мы снова поехали в больницу, к изобретателю. Маму его, к тому времени, уже домой выгнали.

– Все верно, я ей «автовозврат» установил! – объяснил дедушка Вова (это он не про маму, а про машину времени, конечно)

– А Лизка где?

– Наверное, вышла...

Логично.

– А можно определить, где?

– Ну, где? Там, где остановилась. Там, где машина обратно возникла. Она теперь по кнопке в пространстве не перемещается. Только во времени. Во избежание...

– Ну, и где она во времени? – чуть ли не хором воскликнули я и оба прадедушки. Правильнее было спросить, когда?

– Э-эээ. На спидометре должно быть... – замялся дедушка Вова – я его того... тоже доработал.

Я, как самый молодой, смотался к спидометру:

– Э-эээ. 1941 год. А число?

– Ну, число пока не меняется. Вчерашнее... 31 октября.

Прадедушки переглянулись:

– 20 ноября 1941 года фашисты войдут в город.

Прадедушка Миша вцепился в свою коротко подстриженную шевелюру: – И у нее день рождения через двадцать дней!

– А как за ней туда попасть? Как, вообще, год назначения устанавливается? Как быстро срабатывает «автовозврат»? – закидал я юного дедушку Вову техническими вопросами. Он растерялся:

– Там еще не все отлажено!

Он порывался вскочить и бежать отлаживать. С этим все было не так-то просто, начиная с того, что, вскочив, он покачнулся, и чуть не грохнулся навзничь обратно от слабости, заканчивая, как я понял, тем, что «метод научного тыка», все-таки, имел место быть, только он боялся нам в этом признаться.

Прадедушка Миша снова оказался на высоте (летчик!). Несмотря на то, что речь шла о его родной дочери, он решительно уложил дедушку Вову обратно:

– Как только встанешь на ноги. Пару дней тебе на это, минимум. А то вообще тебя потеряем, некому Лизку выручать будет. – Медицина, верно я говорю? – это он прадедушке Васе. – Хватит ему пары дней, чтоб на ноги встать?

Прадедушка Вася сначала кивнул, а потом пожал плечами. Устал он уже очень.

– Будем верить, что за два дня ничего с ней не случится – жизнерадостно резюмировал прадедушка Миша, уговаривая и себя, и нас. И тихо добавил, косясь, конкретно, в мою сторону:

– Может, ей даже полезно будет! – надо же, наверное, сильно она его «достала».

– А что ты бабушкам сказал? – тоже шепотом в сторону его уха, поинтересовался я в ответ.

– Что она после цирка у подружки заночевала, а потом я

ее в «Артек¹⁷» по горящей путевке «отправил».

– Прокатило?

– Вроде бы.

– Про меня спрашивали?

– А ты в казарме. Пока машина в ремонте.

– А сейчас, когда машина нашлась, что врать будем?

Прадедушка Миша замялся:

– Не знаю. Можно сказать, что, пока Лизка в «Артеке», машина нужна меньше, или, что я тебя на других объектах использую.

– Ох, неубедительно. А подружка твои слова подтвердит? И это, а как же ты ее без вещей в Артек-то? Прадедушка Миша вдруг посерьезнел и отрезал:

– А в приказном порядке!

Так, кажется, его все «достали» ...

В общем, живем дальше, работаем над задачей. Прадедушка Миша подкинул нас с прадедушкой Васей до дома. И мы, наконец-то, поужинав, рухнули спать. Этот длинный, очень насыщенный день закончился. Лишних вопросов нам

---

¹⁷ «Арте́к» – международный детский центр. Расположен в Ялте на южном берегу Крыма. В советское время – самый знаменитый пионерский лагерь СССР и визитная карточка пионерской организации страны. В советские времена путёвка в «Артек» считалась престижной наградой как для советских детей, так и для зарубежных. Отличием «Артека» от других лагерей было то, что он работал круглогодично, для чего на его территории была полноценная общеобразовательная школа. Основным педагогическим принципом воздействия на ребенка вожатые считали живое, конкретное дело, которое целиком и полностью должно его захватить. (Интернет)

никто не задавал. И слава богу.

27.

Прабабушка Тося тоже умела все: шить и перешивать из старых платьев, стирать, сушить на солнышке перья из подушек, очень вкусно готовить вкусняшки из ничего, воспитывать двух дочерей и носить в себе третью (мою младшую бабушку). Только она еще и работала. Я тоже все дни пропадал в больнице, как и обещал прадеду Васе – помогал, как мог. Но в те моменты, которые я проводил с семьей, я не мог не отметить, какие же другие мои другие бабушки. Четырехлетняя Наденька была просто «няшной» (снова не думал, что я могу такое слово употребить. Старею, наверное) кудрявой милашкой – доброй и ласковой. Любила рисовать, ходила в детский садик, и даже маленькой почти совсем не доставляла хлопот. А в мою родную бабушку Веру я просто влюбился! Я понял, в кого моя мама Таня свой парень. Хотя Верочке было всего 10 лет, она тоже умела почти все, но, конечно, немного меньше, чем бабушка Тося. Но на нее уже в ее годы можно было спокойно оставлять дом и младшую сестру. Она еще и в школе хорошо училась, хоть и не отличница. То есть, не зануда. Очень самостоятельная, сообразительная, ответственная, любознательная. И все понимала. Свой человек. Честное слово, если бы родители родили мне младшую сестру, я бы согласился, чтобы она была бы похожа на Верочку в детстве. Да что там! Если бы я когда-нибудь решил, и ей

было бы, хотя бы 18 лет, я бы на ней женился! Или я бы не отказался бы, если бы у меня родилась такая дочка. Правда, вообще-то, это я у нее на руках рос. Ну, до начальной школы, конечно. А в начальной школе, по секрету, она даже за меня как-то одного хулигана к стенке прижала.

Кстати, они с мамой Таней тоже «искрились» по поводу моего воспитания. Бабушки склонны баловать внуков. И она так же бывала излишне любопытна по поводу наличия или отсутствия у меня девушки. Но теперь я знаю, что я мог бы ей ответить: «Вот если бы ты была бы моей ровесницей – ты была бы моей девушкой!.. Но я такую еще не встретил!» Вернусь – проверю, работает или нет. Только надо еще вернуться. Если бы да кабы...

Уставал я в больнице, конечно, физически сильнее, чем от работы водителем. Но морально мне было легче. Если, конечно, забыть, что баба Лиза в 1941 году, и скоро там случится немецкая оккупация, и ее могут угнать в Германию. Или расстрелять за выющиеся волосы в Змиевской балке¹⁸. Или она может пропасть под бомбами при авиационных налетах. Если мы срочно ничего не придумаем.

Как тогда было, я потихонечку выспрашивал у прабабушки Тоси. Она подростком пережила обе оккупации в Ростове во время войны. Прадедущка Вася вообще про войну не

---

¹⁸ Змиевская балка – место, где во время Великой отечественной войны фашистские оккупанты проводили массовые расстрелы ростовчан (больше всего евреев).

любил говорить, только стихи написал, их даже в «Молоте»¹⁹ напечатали. А прабабушка Тося, если спросишь, рассказывала.

Прадедушка Вася на фронт попал, когда ему было 20 лет, сразу после училища. Как мне сейчас! И ранение получил. Но потом опять служить вернулся. С одним глазом стеклянным. А прабабушку Тосю во время оккупации старались пострашнее одеть, чтобы внимания фашистов не привлекать. Она хорошенькая была, со стройной фигуркой, балетом занималась во Дворце пионеров.

Голод был, кушать было нечего, добыли как-то зерно с остюками. У Тоси от остюков десны раздуло. У них немцы хотели в доме остановиться, так ее бабушка сказала, что это у нее болезнь какая-то. Они побоялись заразиться, и ушли, не стали у них жить. Со своей мамой Тося ходила из Ростова в деревню на менку. Это означает, какие-то вещи на продукты поменять.

Кстати, мама и бабушка прабабушки Тоси жили с ними в одном дворе, но в отдельном доме. Так что я и тут с прапрадодителями познакомился. Но не очень близко. Тосина бабушка Дуня уже совсем старенькая была. А мама ее, Люба, тоже работала. А папу Тоси, еще до войны, в тридцать седьмом году расстреляли, как врага народа. А в 1953 году

---

¹⁹ Газета «Молот» – российская общественно-политическая газета. Издаётся с 17 апреля (30 апреля по новому стилю) 1917 года («Наше знамя») в Ростове-на-Дону и распространяется по всей Ростовской области (Интернет)

реабилитировали. Посмертно.

Деда Вову скоро собирались выписывать, и это вселяло надежду. Но успеем ли мы вовремя? Выполнять тяжелые работы ему еще долго будет нельзя. Но на это у него есть я. От него требуются только мозги. Ох, хоть бы он думал не так долго, как в прошлый раз, когда для меня временные контуры распутывал. И как я в глаза бабе Мане посмотрю? И бабе Шуре? И деду Савве? Что-то мне кажется, что версия с Артеком надолго не прокатит... если, вообще, прокатила. Расслабляться мне, конечно, было никак нельзя, это было тяжело, и, если бы не мои маленькие бабушки...

Вот правду говорят, что маленькие дети – это радость, а не гадость. Что они энергией тебя подзаряжают. И выжить помогают. Никогда не думал, что я такое скажу. Старею, наверное.

Лиза.

28.

Я вообще-то не дура (как многие могли бы подумать). А советская школьница. Пионерка. И два плюс два складывать умею. Почти отличница, между прочим. У меня всего две четверки.

Наша 21-я «Волга» – это машина времени? У моего папы – машина времени? А Вовка, поскольку папа дает в ней ковыряться, знает про машину времени? Или, того хуже (или лучше) – изобрел машину времени? А странный Денис – путешественник во времени? Все сходится. Теперь и я путешественница во времени.

Открытие это для меня было таким потрясением, что я на время перестала удивляться тому, что баба Шура заставляла меня работать. И ругалась, если я «запарывала» ту работу, которую она мне поручала. А «запарывала» я ее почти всегда – я ведь мало что умею – мне это никогда не было нужно. Зачем стараться, когда всегда было на кого свалить? Я, правда, по привычке, один раз попыталась огрызнуться (получила по губам), и один сделать как всегда, чтобы от меня отвязались. Ну, не умею я! Но сейчас это почему-то не работало. Баба за попытку саботажа крепко приложила ме-

ня словом, и пообещала выгнать на улицу. («Неумехи и на хлебницы нам не нужны! Сейчас не время быть белоручкой. Стыдно, девица!»)

В общем, баба Шура скидку на мою «контузию» теперь не делала. И я, худо-бедно, научилась доводить порученное до конца. Даже если мне не нравилось то, чем я занималась. А потом я даже перестала думать о том, чем я занималась. Делала все автоматически. Тем более, ничего сверхъестественного. Помогала бабушке по хозяйству. Убирала, мыла. Вместе с бабушкой придумывала, что поесть. У нас одна курочка Ряба осталась, так мы ее как зеницу ока берегли! Она яички несла, кормилица наша. Я ее очень любила, ухаживала за ней, кашки за ней подтирала. Она же с нами в доме жила, чтобы не украли. Сначала жила в сарае, но мне как-то даже подрасться из-за нее пришлось тут с одним... нехорошим таким человеком, воришкой (это за мной не заржавеет!), и мы ее в дом забрали. Кушать Рябушке добывала. Травку и жучков где сейчас найдешь? С деревьев, разве что, из-под коры наколупать. Но и там они нынче в дефиците. Вот какая наша Ряба была молодец! Жила с нами впроголодь, но неслась регулярно, и нас кормила!

Запасы на зиму бабы Шурины из погреба поначалу очень выручали. Но они ж не бесконечные, если другого ничего нет.

А еще мы с Марусей ходили на менку. Баба Шура, вздыхая, доставала папин или дедушкин пиджак, или какое-ни-

будь свое или Марусино нарядное платье – зачем они сейчас, если кушать хочется? И мы с Марусей шли на рынок, или через мост, в деревню, и выменивали там на одежду что-нибудь съедобное – крупу, картошку.

А еще Маруся работала в госпитале. За ранеными ухаживала. Там ей кашу давали. Я с ней попробовала ходить, но каждый раз в обморок от вида крови падала. Не специально. Оказывается, я крови боюсь. И полы мыть я там не могу, и письма домой писать. Дурно мне становится. Часик еще креплюсь, а потом – все. От запахов, от стонов, от боли этой вокруг... раз – голова закружилась, в глазах потемнело – и я на полу! Правда, не притворялась. Просто, не могла с этим ничего поделать. И меня домой отправили, сказали больше не приходить.

К бомбежкам я тоже почти привыкла. Чуть ли не первая чувствовала, как самолеты подлетают, поднимала тревогу раньше воя сирены воздушной обороны, крышку погреба бежала открывать. У меня же слух музыкальный. И я дочка летчика, в конце концов! Где там мой папа сейчас летает? Вот бы он за нами с мамой и бабушкой на своем самолете прилетел! И увез бы куда-нибудь, от войны подальше...

А еще я теперь все время думала о том, что Вовка – гений! И что он – моя единственная надежда. Только он один может теперь меня обратно вернуть. А я даже не знаю, жив ли он. И еще я поняла, что очень-очень хочу домой, и чтобы он был жив. И чтобы все было, как раньше. И я теперь не буду его

дразнить, издеваться и подставлять. Он добрый, хороший, умный. Лучше всех.

Дэн.

29.

Прадедушка Вася стал иногда доверять мне ночные дежурства. Младший медперсонал всегда в дефиците. Чего тут, в принципе, сложного? Просто не спать, подставить утку, довести до туалета, дать попить. Если что-то серьезное – разбудить дежурного врача. А в основном, ничего такого. Сидишь, читаешь. Прадедушка Вася выписал журнал «Юность», его я и читал. Занятный журнальчик. Хоть я и не такой фанат чтения, но что еще на дежурстве делать? Не будешь же у телефона драгоценный заряд тратить. И все вокруг или что-то новое читали, или кино смотрели – и обсуждают. Даже Верочка. И надо же занять чем-то голову. А то в голове мысли грустные: спутник мы уже 1 ноября запустили, а в спасении Лизоньки никак не продвинулись. Ноябрь вплотную приблизился к заветной дате. А я до сих пор не понимаю, за счет чего я существую. Значит, она жива еще, все-таки? Радует.

Дедушка Вова из гаража не вылезает. Поднимает ли он тяжести, я проследить не могу – только вечером появляюсь. Прабабу Маню, прапрабабу Шуру, прапрадеда Савву видел мельком. Ничего, не съели меня. Но, все равно, стыдно.

Помогать прадеду Васе мне становится все проще. И крови я не боюсь, и работы тяжелой. И по ночам могу не спать – опыт бессонных ночей в играх по сетке с товарищами. Как это далеко от меня сейчас! Может быть из меня хороший медик бы получился? Вон, есть тут одна бабулька, которую я на уколы вожу, так она даже в процедурной руку мою не отпускает, говорит, ей со мной не больно и не страшно. Даже голый попы своей не стесняется. Я уже тоже стесняться перестал, хотя сначала – очень. Может, я выбрал не то учебное заведение, раз есть здесь, в больнице, от меня какая-то польза? Глядишь, скоро сам уколы делать научусь. И буду медбратом. Как прадедушка Вася на войне.

Но на своем третьем дежурстве, я вдруг почувствовал неслабый удар прямо в сердце и понял, что моя вселенная, впервые, основательно покачнулась.

Лиза.

30.

Я плелась за Марусей, нога за ногу по подмороженному полю. Вторая половина ноября, все-таки!

Носить свой животик Марусе было уже тяжело, но она не унывала, или виду не показывала. Не то, что я. Мы тащили: она – внушительный мешок семечек, я – небольшой мешочек драгоценного сахара, небольшой ломтик драгоценнейшего сала (!), двадцать сморщенных яблок, и связку сухой рыбы из пяти штук, которые удалось выменять на пальто дедушки Саввы. Ох, такое пальто было расчудесное! Модное. Может, мы и продешевили, хотя Маруся торговалась, как зверь, но кушать-то хочется!

В отличие от бодрящейся Маруси, я шла и думала, какая же все-таки я дура. И делать ничего не умею, и порчу все, к чему прикасаюсь. Зачем я Вовку после цирка в темноту потащила? Зачем я все время в эту машину лезу? Папе насолить? Прав, этот странный Денис. Все должны меня ненавидеть. И даже я.

Вдруг со стороны уже видневшегося спереди города, слышались звуки выстрелов, взрывов, крики какие-то. Мы с Марусей остановились перевести дух. Мне показалось, что я

белым днем слышу гул самолетов. Я, на всякий случай, присела, побросав свои оклунки²⁰, и прикрыла голову руками. Маруся осталась стоять. Уперев одну руку в поясницу, другую приложив к глазам, как козырек, осмотрела горизонт.

– Ой – она вдруг растеряно глянула вниз, себе под ноги, и, подняв глаза на меня, жалобно призналась:

– Я, кажется, описалась...

– Дура, что ли? – Нашла время! – я укоризненно покосилась на расплзающуюся рядом большуую темную лужу. Марусю я боялась меньше, чем бабу Шуру. Я здесь ее даже в мыслях мамой не называла. Девчонка какая-то, чуть старше меня. И росту такого же.

– Сама ты дура! Я рожаю! – вдруг истерически всхлипнула Маруся и села на холодную землю между мной и мешком с семечками. И вот тут я поняла, что испугалась так, как никогда в жизни. Больше, чем гула подлетающих «Мессершмиттов». Это же я рождаюсь! А рядом только я!

Первой мыслью было бросить все как есть, и будь, что будет. И вообще, лучше бы я вообще не рождалась. Всем меньше проблем в жизни. Но через секунду до меня дошло, что это же я! Ну ладно, пусть я сейчас не родюсь, так я же сейчас и умру на этом самом месте! И причем здесь мама? Она должна жить, она же не виновата, что я у нее такая уродилась! О! Так это же отец во всем виноват, он нас здесь с ней бросил! Точно! И вообще, он ей меня сделал! О чем он ду-

---

²⁰ Оклунок – Здесь: торба, небольшой мешок

мал вообще, когда война?

Привычно найдя виноватого, я успокоилась. Чтобы там ни было, маму надо спасать. Несправедливо, если с мамой что-то плохое случится. Я за маму сейчас и камнем «мессер» соблю, и всем фашистам глаза повыщарапываю! Повезло им, что я их пока никогда не видела. Вот!

Я схватила маму Марусю за руку, пониже плеча, и стала поднимать ее с земли:

– А ну вставай сейчас же! Застудишься!

Маруся рыдала, и не собиралась подниматься. В первый раз в жизни я видела свою маму рыдающей. Всегда живчик, всегда веселая, неунывающая. А тут...

Я набрала в легкие побольше воздуха и выдала ей прямо в ухо свой самый грандиозный рев (это я умею лучше всего!): «Вставай!!!»

Подействовало. Прямо не хуже, чем внушения бабы Шуры на меня.

Мама Маруся удивилась и замолчала. Глянула на меня уже осмысленным взглядом.

– Что будем делать?

Я посмотрела вперед. Там баба Шура, госпиталь. Но на горизонте, над Ростовом, в нескольких местах поднимался густой дым. Что-то там неладное творится. Я оглянулась назад. Избы деревни, откуда мы как раз шли, были чуть ближе. А вдруг мама Маруся до Ростова не дойдет? А в деревне люди, тепло...

Вдруг прямо перед нами (так показалось) в поле что-то громко упало, грохнуло, сразу оглушив, и обсыпало комьями земли.

– Бежим!.. – завопили мы обе, и, вцепившись в мешки, и друг в друга, бросились обратно, в сторону деревни.

... Ну вот, я и родилась. Некрасивое сморщенное мяукающее существо. Бедная мама! Она так из-за меня настрадалась! Удавить себя, что ли? Ненавижу детей!

Я взяла сама себя на руки. Я была такая маленькая, тепленькая... Спала и плямкала малюсенькими губками. Беззащитная такая... И тут я неожиданно поняла, что я себе очень-очень нравлюсь! И даже очень себя люблю! Несмотря ни на что. Я аккуратно и нежно прижала себя к себе.

Мама тоже спала. Тикали ходики в деревенской избе. Спасибо, доброй женщине, которая жила первой с края деревни. Повезло нам. Ну, есть же какие-то вещи!.. И хорошие люди.

Да, права моя баба Шура в далеком 1957 году. Да и в сорок первом тоже. Вывернутая у меня психика. Как можно плохо думать о таком чуде? В конце концов, зря я, что ли, маму со мной в животе и все мешки (мешки я не брошу!) под бомбами по полю тащила? Чуть сама не родила! Хорошо еще, что мама мной в поле не разродилась! Героическая женщина. Как я ее люблю!

Зря, что ли, не смотря на боязнь крови, я помогла тетеньке, хозяйке избы, роды мои принимать? Воду таскала, грела?

И даже в обморок не упала, и ни разу не заплакала!

Теперь знаю, как дети рождаются. Больно рождаются для мам. Но получается, что? Зря мама страдала? Столько сил в меня вложено! – Нет, теперь я себя холить и лелеять буду! Спасут меня там или не спасут, вернут в мое время? Честно говоря, мне уже все равно. Буду здесь себе теткой. Заботиться буду о себе, и о маме. Следить буду, чтоб меня правильно воспитывали. Глядишь, так и войну переживем. И дальше жить будем.

Дэн.

31.

Сердце пропустило еще один удар, и ... дальше пошло. Отпустило меня. Что это было? Я не знаю, как случаются сердечные приступы, ну в смысле, на себе еще ни разу не испытал. Я не задыхался, просто успел осознать, что все, конец, сейчас все закончится, успел испугаться и успокоиться, мысленно попрощаться сам с собой, с мамой и с папой, с дедушками и бабушками, прадедушками и прабабушками, теперь такими родными и близкими, и вдруг сердце вернулось на место. И заработало, как положено. Ух ты. Что это было?

В конце коридора открылась дверь, и в нее просочилась невысокая фигурка без халата. Кого это несет сюда посреди ночи без халата? И кого оно мне напоминает немножко... Лизка?! Нет, показалось... Фигурка сделала мне ручкой и стала приближаться.

– Привет, деда! – возле моего столика санитарного поста остановилась девчонка-подросток лет двенадцати, в розовой пижаме с вишенками, и протянула мне руку для приветствия. С Лизкой она не имела ничего общего, кроме роста.

– Я Алиса, твоя прапраправнучка. К тебе за консультац

ей. Нам в школе на дом генеалогическое дерево нарисовать задали.

– А попроще способ нельзя было изобрести? – устало вздохнул я, пожимая ее протянутую ладошку. Сложно меня теперь было путешествиями во времени удивить. Хотя неожиданный ход событий. Моя прапраправнучка? Это ж какой век? А, какая разница!

– Куда уж проще – из первых рук! Сам мне все расскажешь! – невозмутимо пожала плечами она. Логично.

– Почему я?

– А что ты тут делаешь? Ты же позже родился! – Не логично – вот мне и любопытно стало!

– Откуда ты знаешь, когда я родился? И что я здесь?

Она достала из кармана и протянула мне на ладошке... мой телефон. Только состарившийся немножко. Я взял его в руки, подержал, и ничего не понял. Достал из заднего кармана точно такой же. Только новый. И что?

– А! – мельком глянула на мой прапраправнучка – Это еще до апгрейда. Смотри!

Она, не забирая из моих рук своего телефона, ловко работая пальцами, открыла какое-то приложение, и стала листать сверху вниз список дат и фамилий. Ну надо же! Общаемся, как будто расстались вчера, и знаем друг друга сто лет.

– Что это? – я, как дурак, следил за ее манипуляциями, и мельканием символов в телефоне.

– Ну как что? «Смартфон человека XXI века!»²¹ На даче на чердаке нашла. Твой! Смотри: ищешь в контактах имя-фамилию-отчество. В свойствах есть период жизни – год рождения, год смерти. Тыкаешь в период, раскрывается жизнь, по годам. Выбираешь нужный год. Он тебе раскрывает календарь, можно дату и время задать. Тыкаешь дату, он выкидывает тебя в карту, и ищет твоё местоположение. Задаешь маршрут, потом вот эту кнопочку нажимаешь – и все. Я тут, с тобой. Элементарно!

Я уважительно покачал ее – свой смартфон в руке: – И что, теперь у каждого такой есть?

– Еще чего! Только у меня! Я еще никому про него не рассказывала. Только вчера нашла. Крутая вещь! Но сначала сама хочу разобраться. Все легко, в принципе. Дедушка Деня, так что ты здесь делаешь?

Дедушка Деня, офигеть! Так я, все-таки, женюсь, оказывается? И у меня будут не только дети, но еще и внуки, прапраправнуки?! – стукнула меня головой о реальность новая волна открытий.

А девчонка-то сообразительная! Аналитический склад ума – в бабушку Таню, наверное. И любопытная. Не иначе в меня! Или в Лизку (тут я мысленно схватился за голову)

– А ты потом обратно сможешь вернуться?

– Конечно!

– А еще раньше, можешь? А потом обратно?

---

²¹ Слоган из рекламы TELE2

– Могу!

– А чтоб несколько человек с собой захватить? А потом каждого в свое время подкинуть? А то мы тут все немножко запутались...

– Ну как это, запутались? Ведь эту программулину ты написал!

– Я?!

– Телефон твой?

– Мой. Был.

– Значит, ты! Больше ни у кого такого нет. Он долго на чердаке пролежал. Кроме тебя, вряд ли кто-то им пользовался.

– Ну, может быть, это и я ее придумал. Только позже, – не стал спорить я. – Постой, а как ты в адресную книгу попала? Я же с тобой только что познакомился?

– Ну, новый контакт завела, элементарно же! Себя добавила! – Алиса снисходительно пожала плечами.

Показалось мне, что меня уже ничем нельзя удивить. И правильный университет я выбрал, все-таки. После него что хочешь можно изобрести, оказывается. Даже усовершенствовать машину времени. Хотя сейчас я пока ничего не понимаю!

– В общем, дело было так! – начал я свою долгую сказку прапраправнучке на ночь...

Лиза.

32.

Я возвращалась с другого края деревни, куда меня послала наша хозяйка за молоком. Коровы нынче в дефиците. Но козы есть, оказывается. Их, если что, тоже в доме держать можно. Маме же меня кормить надо!

Возле забора, перед калиткой во двор, куда я и направлялась, прямо у меня на глазах вдруг возникла... наша 21-я «Волга»! Из нее стало вылезать много народу. Из-за руля вышел...

– Пааапка! – чуть не выронив драгоценное молоко, я на всех парах полетела к машине. Сунув кружку в руки рядом стоящему Денису, я со всей дури бросилась папке на шею. Аж пятки засверкали. Папка, папка мой! Нашел меня! Приехал за нами! Урррааа! А еще рядом стоял мой ненаглядный Вовка. Я смущенно чмокнула его в щеку и прошептала: «Прости меня, пожалуйста!». А еще, помимо Дениса, там крутилась под ногами какая-то мелкая девчонка в моем пальто.

Дэн.

33.

За рулем был прадед Миша и вел машину, как самолет. Быстро, и откуда-то зная, куда. Только он один и знал. Под колеса ложилась не городская улица, а проселочная дорога. Рядом с прадедом Мишей сидел дед Вовка. И ничего не спрашивал. Между ними, в пальтишке бабушки Лизы, накинутом на розовую пижаму с вишенками, примостилась серьезная Алиска. В уголке заднего сиденья меня зажали женщины – шестнадцатилетняя Лиза и прабабушка Маня с малюсенькой Лизаветой на руках. Между двух бабушек Лиз на заднем сиденье легкового автомобиля – двойной ужас моей юности! Но ничего в этом ужасного не было. Наоборот, все правильно! Я тоже у прадедушки Миши ничего не спрашивал. Да он же и не скажет ничего. Настоящий военный!

Мы немного задержались – пока дождались, когда прадедушка Вася придет, и меня с дежурства сменит, пока дедушка Вова с Алиской «Волгу» с телефоном синхронизируют. Не сразу у них там все получилось. И не без нюансов. Зато переместились все вместе без проблем. И сразу по адресу.

Подобрав Маню и двух Лизок, большую и маленькую, ехали куда-то своим ходом «Волги» где-то минут 30 – 40. На

дороге и в небе было тревожно, пару раз вдалеке слышались звуки взрывов, но не прицельных, не по нам. Мы даже никого не встретили, и видом своей машины никого не шокировали. Ай да прадед! Понял я, куда мы едем! В аэропорт Платов. Тьфу. Какой Платов? Аэродром Хотунок!

Почти одновременно с нами в небе появился самолетик и стал заходить на посадку. У-2. Этажерка. Уточка! Таковую модельку мой дедушка, который мне как младший брат, прадедушке Мише в подарок клеил. А мне она в наследство перешла.

Потом мы все дружно бежали к приземлившемуся самолету. Вблизи он оказался достаточно большим. Прадедушка Миша нес на руках прабабушку Маню, а Лизка – себя. Мы с дедом Вовкой – какие-то вещи в мешочке. Алиска осталась в машине. Из кабины самолета выпрыгнул бравый... еще один прадедушка Миша, только моложе! В общем, не спрашивайте, как он все это организовал, сколько правил нарушил, и чем рисковал.

Прабабушку Маню с маленькой Лизой погрузили в самолет. Самолет разбежался по взлетной полосе, оторвался от земли и пошел, пошел, пошел! Куда-то в направлении средней Азии.

34.

– Ты точно вернешься домой? – строго спросил я у Алис-

ки, стоя под крылом «СУшки», освещенной светом двух телефонов в еще необрушенном подвале заброшки. Мы с ней «подвезли» прадедушку Мишу, бабушку Лизу и дедушку Вову из 1941 года в их 1957 год, и вернулись в мое время за пять минут до моего в подвал обрушения.

– Точно. Я уже пробовала.

– Ну, бывай! Рисуй свое генеалогическое дерево. Я тебе тут схемку в помощь набросал²². Только от меня до себя – сама. Я про это не знаю. Ну и про путешествия во времени особо никому не рассказывай. А то начнете шляться туда-сюда.

– Да кто ж мне поверит? – усмехнулась прапраправнучка, и мы обменялись рукопожатиями. Умная девчонка! Здравый смысл присутствует!

Она пошерудила в телефоне, нажала нужную кнопочку и пропала.

Я выключил фонарик, отошел в тень и переждал процесс отправления себя в 1989 год, «обнявшись» с шасси под крылом. Потом вышел, подпрыгнул и схватил ползущего к кабине Макса за штаны:

– Не ходи за мной! Не надо!

Когда мы появились с ним на даче, там росла только газонная трава, орошаемая фонтанчиками, цветочки и ухоженные фруктовые деревья. Бабушка Лиза учила мою маму Таню готовить на мангале плов в большом казане. Бабушка Лиза?!

---

²² См. в конце

Готовила? Она подмигнула мне из-за маминого плеча.

А дедушка Вова плавал с папой Сашей в бассейне. Дед Вова жив! Как же я вас всех люблю! Да что там люблю – обожаю!

Дед Вова и папа Саша жизнерадостно размахались нам руками, подняв кучу брызг:

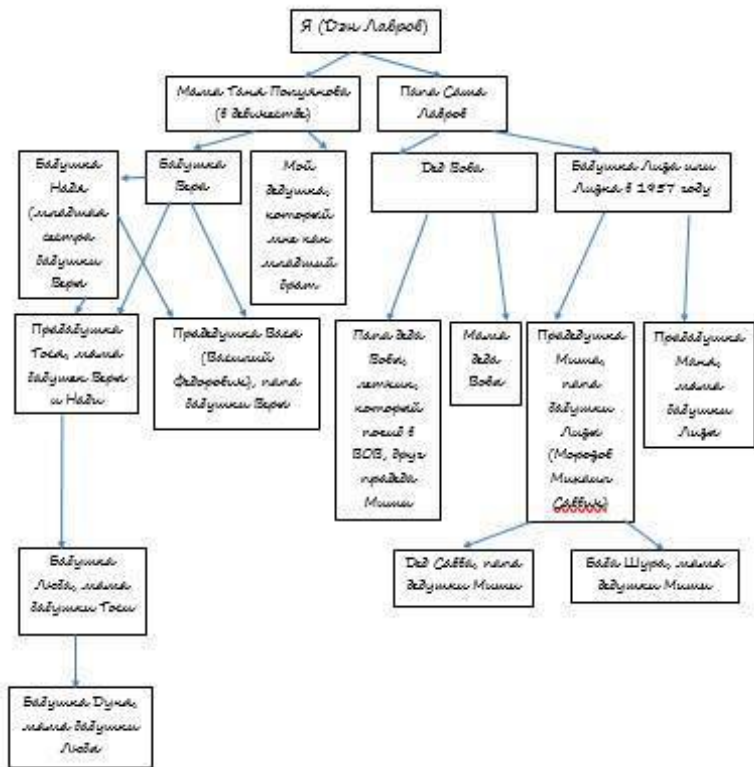
– Присоединяйтесь!

На следующее утро мы с Максом, вооружившись отвертками, свинтили с «СУшки» коробочку, отвечающую за перемещения во времени со всеми потрохами, и отвезли ее к Максиму в гараж, разбираться. Макс – умка! Думаю, что это мы вместе с ним умную программулину придумаем. Интересно, как скоро он куда-нибудь переместится? Пока отвечаю... нервы все это. Но, захочет же!

А еще, я теперь точно знаю, что меня полюбит женщина, похожая на мою бабушку Веру в молодости. И у нас будут дети. И внуки, и правнуки, и праправнуки, и даже славная прапраправнучка Алиса. И род Лавровых не прервется, о чем так беспокоятся все мои бабушки и даже иногда мой папа Саша. Будем жить!

А то, что с бабушкой Лизой происходило в 1941 году, так это я с ее слов записал. Такая история...

Дэн Лавров.

Тут еще где-то болтается «Здравствуйте, я незаконнорожденный сын вашего родного брата» и таинственная тетя Аня из Таганрога.

Обязательно надо сказать спасибо

Ане Братякиной (царство ей небесное) за то, что она взяла с меня слово сделать это («родить» данное повествование)

Тете Юле, Куме Танюшке за соответствующие тосты и пожелания творческих успехов, и нетерпенье прочитать готовое произведение.

Всей моей большой семье, всем поколениям, даже самым далеким родственникам за, собственно, сам факт своего существования

Дэн Орлов (Татьяна Андросова)